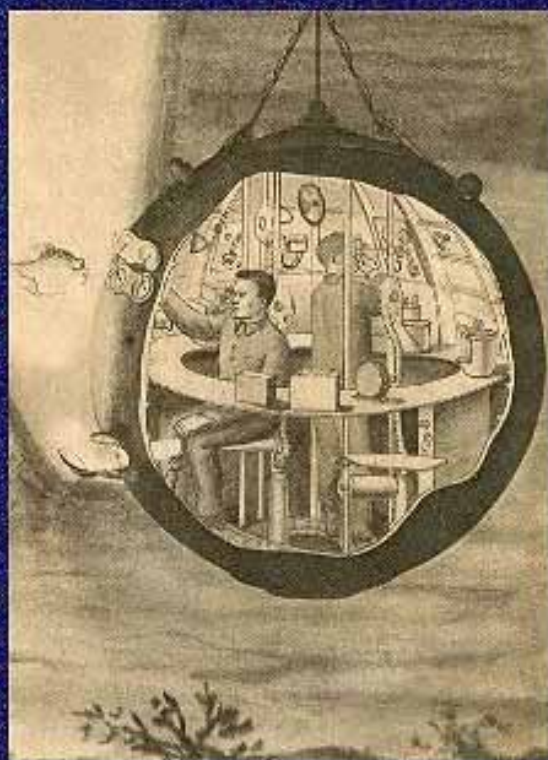

[Polaris]

Сергей Глаголин

ЗАГАДКА БАЙКАЛА

Забывтая палеонтологическая фантастика

Том VI

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LII

Salamandra P.V.V.

Сергей Глаголин

ЗАГАДКА БАЙКАЛА

**Забывтая
палеонтологическая
фантастика**

Том VI

Salamandra P.V.V.

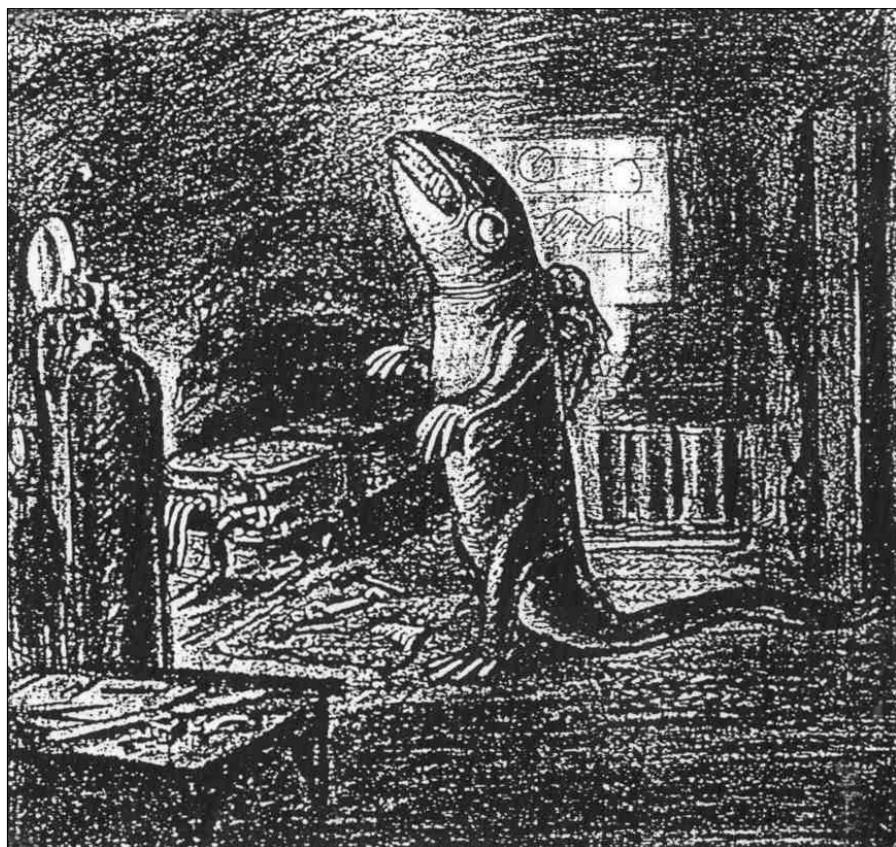
Глаголин С. Б.

Загадка Байкала: Фантастическая повесть. Рис. И. Королева (Забытая палеонтологическая фантастика. Том VI). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 76 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LII).

Герои повести С. Глаголина переживают опасные приключения на дне озера Байкал, где открывают целый мир реликтовых существ и... подводных диверсантов. Эта повесть, впервые опубликованная в 1937 г., в буквальном смысле стоила автору жизни: во время поездки на Байкал актер, режиссер и писатель С. Глаголин попал в поле зрения НКВД, а через несколько лет был арестован «доблестными чекистами» и сгинул в советских лагерях.

© S. Glagolin, estate, 2014

© Salamandra P.V.V., оформление, 2014

ЗАГАДКА БАЙКАЛА

Фантастическая повесть

Рис. И. Королева

Байкал лежал просторный и неподвижный. Цепь гор противоположного берега четко рисовалась на еще светлом небосклоне... Снежные вершины Хамар-Дабана пламенили отблесками заката. Казалось, гористые берега с трудом сдерживали эту массу воды... Вблизи розовая, она темнела, уходя в сумеречную даль.

Зафрахтованный для ленинградской киноэкспедиции моторный бот «Соболь» стоял наготове. Вода была необычайно прозрачна. Чудилось, будто мостки и бот висят в воздухе.

Киноэкспедиции с большим трудом удалось достать себе бот. Весь парусный и моторный флот озера был мобилизован на поиски омуля. Эта рыба из породы лососевых, с нежным мясом, напоминающим по вкусу семгу, является основной промысловой рыбой Байкала, самой ценной из 35 видов рыб, которые в нем водятся. Зимует омуль в глубоких местах, а летом, с июля до сентября, тысячными стаями — «косяками» — пробирается в устья Селенги, Верхней Ангары, Баргузинки и других рек, впадающих в Байкал.

Тысячи людей заняты здесь ежегодно на ловле омуля. Но в этом году омуль не появлялся в своих обычных любимых местах. Исчезновение его сначала вызвало удивление, а потом серьезное опасение, что сезон лова омуля будет сорван. Ихтиологи и лимнологи (изучающие жизнь рыб и озер) пустились на поиски. Высказывались самые разнообразные догадки о том, куда и почему исчез омуль...

Режиссер Карин, примостясь на носу бота и разложив на коленях газету «Восточно-сибирская правда», внимательно читал статью, доказывающую, что запоздание хода омуля вызвано суровой зимой.

Прибыв сюда по поручению кинофабрики для проведения подготовительных работ к съемке картины «Байкал», Карин жадно интересовался всем, что имело отношение к озеру. Вникать в детали порученного ему дела было в характере этого скромно одетого человека средних лет, с худощавым лицом, отмеченным небольшим шрамом на подбородке. Еще в девятьсот шестнадцатом году двенадцати-

летним мальчишкой Карин начал свою работу в кинематографии склейщиком позитива. Не было такой киноспециальности, по которой ему не пришлось бы поработать. После революции он прошел гражданскую войну, таскал на себе в песках Средней Азии кинопередвижку. Довелось ему быть и актером: он снимался в первых картинах «Советкино». Наконец, вот уже четвертый год, как он окончил киноинститут и стал режиссером.

Бурят Дам-Дин — моторист, он же рулевой бота — принимал доставленный с поезда груз киноэкспедиции. Уложив последний ящик на дно бота, Дам-Дин заглянул через плечо Карина в газету и неодобрительно покачал головой.

— Это все не то... Зима тут не при чем. ..

— А что причем, товарищ Дам-Дин? — живо повернулся к нему Карин. — Почему исчез омуль?

— Один Байкал знает... — Дам-Дин вытряхнул за борт пепел из трубки. — На Байкале еще не то случается...

— А что?

Дам-Дин не ответил.

Начинало темнеть. Нужно было торопиться, чтобы сегодня же добраться до поселка «Лиственичное», расположенного на другой стороне бухты. Там, на Лимнологической станции, Карин должен был получить необходимые для работы киноэкспедиции научные данные об озере.

К боту подошли Тенин и Волосов. Карин сердито отчитал их за опоздание и велел отшвартовываться.

Джеку Тенину, первому ассистенту режиссера, на вид было лет двадцать. Чуть припухлые, словно надутые губы придавали его лицу детски-капризное выражение. Гольфы в большую изумрудного цвета клетку, светло-желтый вязаный жилет и веселая болтливость говорили о некотором легкомыслии Джека. Большие роговые очки (с простыми стеклами) не скрывали его живых серых глаз.

Художник Волосов был сдержан, молчалив и застенчив. Он никогда не расставался со своим альбомом и ящиком с красками. Его дорожная сумка всегда была при нем. В киноэкспедицию он попал случайно, из-за болезни по-

стоянного художника, и в своих обязанностях теперь проявлял исключительную старательность.

Бот отшвартовался и медленно тронулся.

— Хотелось бы Шаманский камень увидеть, — сказал Джек, вглядываясь в ту сторону, где расступались высокие берега, пропуская единственную реку, вытекающую из Байкала, — Ангару.

Шаманский камень лежит в самом истоке Ангары. Вода Байкала мчится через него. На поверхности виден лишь небольшой скалистый уступ. Строительство еще невиданного масштаба должно было начаться здесь через полгода. А уже через год на Шаманском камне вырастет большая плотина. Русло Ангары протяжением в 1800 километров станет сухим. В течение года на нем будут построены 3 гидроэлектростанции. За этот период уровень Байкала поднимется на 170 сантиметров. Затем шлюз плотины откроется, и вода снова устремится в Ангару, вращая по дороге лопасти турбин новых электростанций.

НА ЛИМНОЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ

К причалу поселка «Лиственичное» бот пришвартовался в совершенной темноте. На берегу долго шли по узким, пахнущим смолой, мосткам. Перед дощечкой с надписью «Байкальская лимнологическая станция Академии наук СССР» путешественники остановились. Здесь находилась опорная база лимнологов, изучающих происхождение, жизнь, флору и фауну Байкала — этого крупнейшего в мире пресноводного озера.

На стук Карина дверь открыл старичок-сторож.

Небольшое помещение было сплошь заставлено банками с образцами байкальской флоры и фауны. Путешественники с интересом осматривали обстановку. Разглядывая какого-то глубоководного рака, Джек спросил у сторожа:

— Что у вас тут с омулем случилось?

— С омулем? — старик замялся. — Несчастье стряслось. Пропал. Говорят, — сторож понизил голос, — будто со дна зверь поднялся, вот и пугает рыбу.

— Какой же зверь?

— А я откуда знаю? Говорят... Мало ли в Байкале зверя водится...

На дальнейшие расспросы старик отвечал коротко и нехотя. Приход профессора оказался как нельзя более кстати.

Энергичный, подвижной, с проседью на висках, профессор Шагин быстро расхаживал по комнате, поглаживая волосы.

— Что я могу сказать о Байкале? Мы изучаем его. Упорно и настойчиво. Многие мы уже узнали, но остались еще загадки, над разрешением которых науке придется еще долго и усиленно поработать...

Глаза Шагина заблестели.

— Вот, хотя бы вопрос о том, как появились и развились обитатели озера... Нерпа-тюлень, как известно, морское животное, а она великолепно существует в Байкале... А что вы думаете о пиявке *Togix baicalensis*? — неожиданно строго спросил профессор у Джека, напряженно записывавшего его слова.

— О пиявках? — смутился Джек... — Я их в детстве ловил... в баночку...

— Ну так вот, молодой человек, чтобы поймать пиявку, о которой я говорю, вам пришлось бы с вашей баночкой отправиться к Китаю, в Тонкин. Потому что, кроме Байкала, она водится только в Тонкине. А многощетинковый червь, который вообще живет лишь в морях? Для Байкала это уважаемое животное делает исключение и соизволит в лице вот этого своего представителя, — профессор ткнул пальцем в одну из банок, — проживать в его пресной воде. А откуда взялись здесь эти морские формы? Вы не знаете?

— Нет, — растерянно ответил Джек.

— Ну и я не знаю. — улыбнулся вдруг профессор. — Представьте, я до сих пор не видел, например, живую го-

ломянку. Да и никто еще не видел ее живой. А она живет у нас под носом, здесь, в глубинах Байкала...

— А как же вы знаете, что она здесь живет, если ее никто никогда не видел? — решился спросить Волосов.

— Я говорил, что еще ни один человек не видел живую голомянку, — строго поправил Шагин. — Для этого нужно было бы нырнуть метров на 500 в глубь Байкала. На поверхность голомянка выбрасывается только мертвой. ..

Сбившись в своих записях, Джек стушевался и, отойдя в угол, задумался.

Еще в дороге Джек наслушался рассказов о замечательном Байкале и его загадках. Взять хотя бы погоду. Бывает — ни малейшего ветерка. И вдруг — при полном безветрии — вздымаются страшные волны. А через полчаса — опять все спокойно. Но обычно хозяевами озера являются ветры: горный, култук, верховик и шелонник. На 345 дней в году превращают они Байкал в одно из самых бурных озер мира. Глубины озера, достигающие, по сегодняшним данным, 1.741 метра, скрывают разгадку многих тайн Байкала. Да и не только Байкала...

Разговор Карина с профессором Шагиным перешел на последние события.

— Мы все поставлены в тупик необъяснимым исчезновением омуля, — заволновался Шагни. — Наши научные работники дни и ночи проводят на озере. Буквально в воду лезут, — в водолазных костюмах, конечно. Не поймем, в чем дело... Может быть, произошло эпидемическое заболевание рыбы. Возможно и другое... В глубинах Байкала, — а омуль уходит вглубь на сотни метров, — происходят какие-либо геологические катастрофы, заставляющие омуля изменить свои вековые пути. Как бы то ни было, десять дней промыслового сезона уже пропали... А может быть, тут что-нибудь совершенно иное...

Профессор стал шарить по карманам, что-то отыскивая.

— На днях среди рыбаков распространился слух о том, что из глубины Байкала вышли какие-то страшные звери. Как ни странно — эти слухи имеют известное основание...

— Имеют основание?! — Джек насторожился.

— Да! — профессор наконец вытащил из кармана несколько бумажек. — Вот что пишет нам начальник маяка из бухты Песчаной: «Вчера в 22 часа под водой в десяти метрах от берега я в течение трех минут наблюдалдвигающееся слабо светящееся пятно». Или вот сообщение с другого берега Байкала — из Харауза: «Рыбаки увидели в воде животное неизвестной породы, размерами значительно больше нерпы. При приближении лодки животное сразу скрылось...» Есть и еще...

Профессор остановился и взглянул на часы.

— Завтра на судне «Ангара» выходит в Байкал наша глубоководная экспедиция, к которой мы готовились больше года. Она тоже займется вопросом об исчезновении омуля. Я советую вам сейчас же отправиться на судно... Вы еще успеете. Оно отходит в пять часов утра. Мой помощник доцент Алан-Года покажет вам интересные материалы...

Профессор торопливо написал короткую записку и простился, крепко пожимая руки.

РАЗВЕДЧИКИ ГЛУБИН

Дам-Дин ловко подвел бот к трапу «Ангары». Это было однотрубное судно, окрашенное в белый цвет.

Путешественники поднялись на борт.

— Нам нужен доцент Алан-Года...

— Товарищ Алан-Года в воде. В батистате, — пояснил вахтенный, указывая за борт.

Карин, Джек и Волосов перегнулись через борт. На воде, рядом с «Ангарой», покачивалось странное сооружение, похожее на плот. На перилах его, возле огромного барабана лебедки, сидели три моряка. Один из них был с наушниками, как у радиста, и трубкой микрофона у рта. Он тронул рукоятку лебедки и крикнул в микрофон:

— Есть подъем!

Медленно завертелся барабан, наматывая стальной трос.

Вахтенный вежливо, но внимательно проверил документы киноработников и разрешил им сойти к батистату.

Пока матросы отвергивали болты люка поднятого из воды батистата, путешественники успели обойти батистат кругом, потрогать его руками... На белом металле ярко бросалось красное «Б-1».

Когда тяжелая крышка была подхвачена электромагнитным подъемником, из люка показалась голова женщины с тщательно уложенными на пробор густыми черными волосами. На смуглом привлекательном лице ее блестели молодостью узкие темно-карие глаза.

— Мы к доценту Алан-Года, — дипломатично сказал Карин, когда бурятка была уже на плоту.

— Значит, ко мне, — улыбнулась она полными губами. Из-под расстегнутого ворота ее комбинезона виднелся аккуратно завязанный темный галстук.

Джек едва заметным движением поправил свой сиреневый самовяз.

Прочитав письмо профессора, Алан-Года протянула руку.

— На час я в вашем распоряжении...

Путешественники попросили в первую очередь познакомиться их с батистатом.

Построенный с учетом опыта всех ранее существовавших глубоководных приборов, батистат состоял из трех частей: надводной части, гондолы и ходовой части.

Надводная часть — плоскодонный катер-плот — была снабжена 150-сильным мотором. Механическая лебедка имела две катушки, на которых было намотано 3000 метров стального троса, могущего выдержать нагрузку, в 15 раз превышающую вес гондолы батистата и ходовой его части. Кронштейн был расположен в центре катера, над отверстием, через которое гондола опускалась в воду. Снизу это отверстие имело направляющие развилины, дающие возможность гондоле подниматься из воды даже при качке.

Катер-плот мог двигаться со скоростью до 50 километров в час, увлекая при этом опущенную под воду гондолу.

Гондола батистата представляла собою полый шар, диаметром в два с половиной метра. Отлитая целиком из стали, подвергнутой специальной термической обработке, гондола по своей прочности исключала всякую опасность просачивания воды через поры металла на глубине до трех километров. В трех дулообразных выступах, направленных в разные стороны, были заключены толстые линзы из прозрачайшего кварца. Наверху гондолы находился литой гребень, к которому прикреплялся трос. Расположенный сбоку входной люк герметически привинчивался 16 болтами.

Нижняя часть гондолы была укреплена на двухлентном гусеничном ходе. Это давало батистату возможность, независимо от троса, передвигаться по дну. В ходовой части были расположены прожекторы. В выступах помещались приборы для получения образцов грунта, воды, глубоководной фауны и флоры. Между гусеничными лентами находились мощные аккумуляторы, дающие энергию для движения, для прожекторов, для воздухообновляющей установки и для других многочисленных исследовательских приборов. К тросу, поддерживающему батистат, был прикреплен телефонный провод. Кроме того, внутри батистата имелась радиоустановка. В батистате могли свободно работать три человека.

Поднялись на борт «Ангары». Лавируя среди расставленных на палубе ящиков с приборами и материалами, Алан-Года повела своих гостей осматривать судно.

«Ангара», водоизмещением в 2000 тонн, была специально приспособлена для экспедиции. Каюты были превращены в походные лаборатории, поделенные между представителями лимнологии, гидрологии, геологии, зоологии и ихтиологии. В одной из кают был устроен глубоководный аквариум из толстого стекла. Сюда должны были попадать выловленные на больших глубинах животные и растения.

— Обычно глубоководные организмы не переносят перемены давления при подъеме наверх, — объяснила Алан-Года. — Они разрываются. Здесь вы видите приборы, которые позволяют захватить животное или растение и доставить его на поверхность, сохраняя постоянное давление, соответствующее той глубине, на которой оно было поймано. Таким образом, мы здесь сможем наблюдать глубоководную флору и фауну в условиях, близких к естественным.

Научные сотрудники, в основном молодежь, охотно показали гостям оборудование «Ангары».

— А вы, товарищ Алан-Года, какой специальности? — спросил Джек.

— Я — лимнолог. Знаю немного биологию, химию, но основная моя стихия — вода озера. Это по наследству.

— Ваш отец лимнолог?

— Нет, рыбак. С Ольхона.

Подожли к трапу. Карин оглянулся.

— А где же Волосов?

Художника на палубе не было. Джек заглянул в люк и крикнул:

— Волосов, где вы? Вылезайте!

Откуда-то снизу еле слышно донесся ответный крик художника:

— Не могу! Выбраться не могу!

Увлечшись зарисовкой глубоководного трала, художник отстал. Ища выхода, забрался в какой-то темный отсек и заблудился...

Карин и Джек подождали Волосова у трапа, затем, проотившись с Алан-Года, спустились на свой бот.

Трижды прозвучал низкий баритон гудка. С капитанского мостика раздалась команда. Трап подняли.

«Ангара» медленно развернулась, взяв курс на юг. Бот киноэкспедиции направился на северо-восток.

Карин проснулся около полудня и вышел на палубу. Метрах в пятнадцати от бота вздымались из воды непри-

ступной стеной отвесные скалы берега. Резкие очертания их были суровы. Местами горы отходили вглубь и взгляду открывались террасы, похожие на ступени грандиозной лестницы.

Дам-Дин вел бот у самого берега, опасаясь горного ветра. Срываясь с отрогов Приморского хребта, ломая деревья, он катит в Байкал береговые валуны, угоняет суда.

— Горный — плохой ветер, — сказал Дам-Дин.

Однако опасения были напрасны. Ярко светило солнце, стоял полный штиль. Словно догоняя бот, позади, по зеленому каменистому дну, скользила тень.

Миновали Голоустное. Характер берегов не изменился: путешественники по-прежнему любовались отрогами Приморского хребта, этой живописной цепью Байкальских гор. Постепенно повышаясь, они достигают у истоков Лены высоты в 1800 метров.

Карин оценивал дикую красоту окружающей природы профессиональным взглядом режиссера. Он старался запомнить величественный колорит озера, чтобы потом наиболее полно использовать его при разработке сценария и съемке.

К бухте «Песчаная» добрались уже вечером.

Начальник маяка Иван Матвеевич Тимофеев, высокий бодрый старик, встретил гостей приветливо.

— Давно здесь живете? — спросил Джек, вертя в руках карандаш.

— В девятьсот седьмом пришел.

— Пришли? Как это?

— Очень просто. Пешком

— Из Петербурга?

— Да. По этапу. Около года шли...

Далеко за полночь засиделись гости, слушая рассказы байкальского старожила под тихую песню остывающего самовара.

— Как вы объясняете странные явления на Байкале? — обратился к хозяину Карин. — Вы сами, кажется, наблюдали их?

Иван Матвеевич пожал плечами.

— Живя на Байкале, я убедился, что удивляться здесь ничему нельзя. Может быть, рыбаки и правы, говоря о неизвестном животном, поднявшемся с больших глубин и сплутнувшем омуля. На Байкале — все возможно... Я думаю, мы все-таки этих животных выловим... «Ангара» поможет...

— А где сейчас «Ангара»? — заинтересовался Джек.

— Сегодня днем «Ангара» стояла в девятнадцати километрах от берега, напротив станции «Снежная». Они должны были спускать батистат на глубину в 1.000 метров. Через двенадцать дней «Ангара» подойдет сюда, к Песчанке. ..

— Через двенадцать дней? — разочарованно протянул Джек и смутился...

Было за полночь, когда гости собрались уходить.

Иван Матвеевич уже сидел за радио. Джек не мог устоять против искушения одеть запасную пару наушников. Долго вместе настраивали приемник. Вдруг Иван Матвеевич торопливым движением пододвинул бумагу.

— Карин! Волосов! — закричал, вскакивая, Джек.

На клочке бумаги неровным почерком Ивана Матвеевича была записана радиограмма:

«SOS!.. SOS!.. говорит «Ангара»... Шторм... Имею пробоину ниже ватерлинии... Подвести пластырь не удастся... Шторм... SOS! ..»

НЕОБЪЯСНИМАЯ КАТАСТРОФА

Пойманные по радио сигналы бедствия не остались без ответа. Отчаливали от пристаней боты и катера.

Бортмеханики осматривали гидросамолеты. Вглядывались в тьму, стоя на носках селенгинок, зоркие рыбаки-буряты. То и дело в разноголосую переключку маяков, метеорологических пунктов и спасательных станций вмешивались Улан-Уде и Иркутск.

— Сообщите, что сделано? Найдены ли следы?

На сто километров к юго-западу от Лиственичной еще бушевал шторм. Следов потерпевших крушение обнаружено не было.

Ночь прошла без сна.

«Как могло судно получить пробоину? Оно плавало в районе больших глубин...» — думал Карин, смотря в окно, за которым чувствовался беспокойный Байкал.

Обычно невозмутимый Волосов сокрушался:

— Такая страшная катастрофа!.. Судно, батистат, молодые ученые... Ужасно!..

Наступил рассвет, а о судьбе «Ангары» известий по-прежнему не было. Иван Матвеевич получил другое важное сообщение: к маяку Харауз, в дельте реки Селенги, подошли многочисленные косяки омуля.

Начальник маяка посоветовал Карину изменить свой маршрут.

— Пересеките Байкал, познакомьтесь с ловом, а потом пройдите вдоль восточного берега. А то как бы снова омуль не ушел.

Утром поверхность Байкала у берегов и дальше, насколько хватало глаз, была желто-зеленого цвета.

— Байкал зацвел, — разъяснил Иван Матвеевич.

Пыльца хвойных деревьев, преимущественно сосны, подхваченная ветром, рассеялась по всему озеру. Время цветения Байкала, восемь-десять дней июля, самая безопасная для плавания пора.

Дам-Дин вывел бот из бухты и, положив перед собой старинный, инкрустированный слоновой костью компас, взял курс на «Харауз».

Через два часа бот достиг середины озера.

Путешественникам, несмотря на бессонную ночь, не спалось.

Карин и Волосов беседовали на корме с Дам-Дином. Внезапно раздался крик Джека:

— Вон там... что-то белеет! ..

Карин вскинул к глазам бинокль.

— Да, что-то действительно есть! — сказал он наконец.

Дам-Дин изменил направление, и через несколько минут можно было различить шлюпку.

Быстро скользя по воде, бот приближался к ней. Джек взобрался на крышу каюты. Карин к Волосов, стоя в носовом отсеке, напряженно смотрели в бинокли.

— Белая шлюпка! На борту надпись: «Ангара номер два»! — сказал Волосов.

— И люди в ней! — волнуясь, воскликнул Карин.

Осторожно причалили вплотную. Семь измученных человек были перенесены из шлюпки на бот.

Бледная и осунувшаяся Алан рассказала о гибели «Ангары» следующее. В двадцать три часа сорок минут на судне от неизвестной причины произошел взрыв. Вода хлынула в пробоину. Начавшийся шторм мешал подвести пластырь. Кое-как разместились в трех шлюпках. Шторм мгновенно разбросал шлюпки в разные стороны, а «Ангара» исчезла под водой. Шлюпка, где находилась Алан, лишилась управления и беспомощно носилась по озеру всю ночь. Вымокшие насквозь люди мерзли. Утром солнце пригрело их, и, обессиленные, они заснули...

Донесся характерный шум приближающегося самолета. Распластав свои светло-серые крылья, он пролетел над ботом, оглушая пассажиров ревом моторов. Потом, описав крутой вираж, пошел на снижение. Под лакированными поплавками вскипели огромные белые буруны...

Из кабины высунулся человек в шлеме:

— Где подобрали шлюпку?!

— В озере плавала! — крикнул Карин.

Пропеллер сделал несколько оборотов и, дернувшись в обратную сторону, замер. Самолет слегка покачивался на поплавках. Летчик снял шлем.

— Мы эту шлюпку целый час ищем. Когда с первой шлюпки людей на берег переправляли, — видали и вторую, а потом она вдруг исчезла...

— А третья шлюпка? — с тревогой спросила Алан.

— Третью пока не нашли...

Взвился моток крученой бечевы. Джек поймал конец. Сообща подтянули бот и шлюпку к самолету. Огромное его

Измученных людей стали переносить из шлюпки на бот...

крыло нависло над пассажирами. Люди почувствовали себя цыплятами под крылом гигантской наседки.

Спасенных разместили в кабине самолета. Пилот обратился к Алан:

— Ваша очередь.

— Я останусь на боте. Ведь вы в Иркутск, а мне нужно как можно скорее на Харауз.

Самолет, оставляя пенистую дорожку, плавно поднялся. Алан посмотрела на часы. Селенгинские рыбаки могли помочь в поисках третьей шлюпки. И, кроме того, Алан предполагала, что батистат отнесло течением в этот район.

— А разве батистат не погиб? — удивился Волосов.

— Нет. Покидая гибнущую «Ангару», мы перерубили буксирный трос, и батистат унесло штормом...

ПОТОНУВШИЙ ОСТРОВ

В шесть часов вечера показалась полоска низменного берега. Вода Байкала стала светло-желтой. Это вливалась в озеро Селенга, самая большая из впадающих в Байкал рек. Ил и песок меняли цвет воды.

Бот долго пробирался вдоль берега, пытаясь нащупать фарватер.

Стемнело.

Два или три раза садились на мель.

Дам-Дин предложил пристать к одному из островков и там заночевать, а утром, отыскав достаточно глубокую протоку, подняться к маяку.

Пристали к маленькому уединенному островку, покрытому низкорослым кустарником. Развели костер и, расстелив на земле взятую с бота парусину, прилегли в ожидании ужина. Дам-Дин жарил гуся, проткнув его шомполом. Ели с аппетитом. Чай пили, уже накрывшись одеялами, — спинам было холодно.

Разговор постепенно замер... Усталые люди заснули...

Проснулся Джек от странного ощущения сырости. Он пошевелил ногами. Ноги захлюпали по воде. Джек сел, оглянулся спросонок, протер глаза и вскочил, как ужаленный.

Светало. Вокруг была вода. Она окружала небольшой кусок острова, где возле дотлевающего костра лежали путешественники. Кое-где из воды торчали одинокие верхушки кустов. Далеко в открытом Байкале глаза Джека разглядели крохотную точку: это колыхался на волнах бот экспедиции с привязанной к нему шлюпкой.

Джек растолкал Карина. Тот сразу проснулся. Встал, молча обошел уцелевший клочок острова и разбудил товарищей. Все столпились около костра, испуганно смотря на воду, незаметно, но неотвратимо подступающую все ближе и ближе.

Дельта Селенги и прилегающий к ней участок Байкальского берега часто повергаются изменениям. Речные наносы создают здесь новые острова, однако сама береговая линия постепенно опускается примерно на метр в столетие. Иногда это опускание происходит катастрофически. Так, в 1861 году участок берега площадью до 400 квадратных километров исчез во время землетрясения под водой, образовав залив, названный впоследствии «Провалом». В 1900 и 1901 годах проток Селенги подмыл на глубину до 10 метров берег у маяка «Харауз», маяк пришлось переносить на полкилометра в глубь острова. В то время, как на юго-восточном и южном берегу Байкала берег в ряде мест опускается, участки северо-западного берега (например, в районе от Малого Моря до Котельникова маяка) поднимаются из воды. Все это говорит о том, что процесс формирования Байкальской котловины еще не закончился.

Чем бы ни вызывалось опускание острова — подмыванием берега или геологической катастрофой в недрах Байкала, — положение путешественников было критическим. Им оставалось надеяться, что остатки острова не сра-

зу погрузятся в воду, и, пока почва еще не ушла окончательно из-под ног, — изыскивать способы спасения.

От берега, вернее от ближайшего острова дельты, их отделяло не менее семисот метров. Глубина протоков Селенги достигала метров пяти — значит, вброд переправляться на берег нечего было и думать. Бот и шлюпку течение отогнало в Байкал. Соорудить плот было не из чего. Необходимо было спастись вплавь, но ни Карин, ни Волосов плавать не умели...

Дам-Дин сорвал с себя куртку.

— Это я бот упустил... Доплыву...

Карин схватил его за руку:

— До бота километра два! Не догонишь! Придумаем что-нибудь.

Волосов сразу как-то осунулся и посерел. Он утратил свою обычную уравновешенность, грубо и резко отвечал на вопросы, ходил по берегу, грыз ногти, посматривал то и дело на маячащий вдалеке силуэт бота. Вода прибывала.

— Нельзя ли хоть одному из вас добраться до берега? — нервничал Волосов. — И привести кого-нибудь на помощь... Погибнем, как крысы...

— Я попытаюсь! — предложил Джек.

— Зачем рисковать! — отрицательно покачала головой Алан. — Можно дать знать о себе другим способом. Лов омуля начался, и поблизости должны быть рыбаки.

Из остатков незатопленного кустарника и камыша разожгли костер. Густой, черный дым поднялся кверху. Волосов, сидя на корточках, старательно раздувал пламя, с отчаянием посматривая на воду.

Карин устроил из камешков несколько отметок, чтобы измерять быстроту подъема воды. С часами в руках он высчитывал. Подошла Алан.

— Плохо, — ответил Карин на безмолвный вопрос. — Через пять часов острова не будет... Если опускание не приостановится.

Несмотря на возражения Алан, Карин решил направить Джека за помощью в ближайший поселок, который, по словам Дам-Дина, должен был находиться километрах в шес-

ти к западу. Переплывая протоки к переходя островки, Джек мог попасть к рыбакам часа через три... Таким образом, помощь могла подоспеть до того, как остров скроется под водой.

Джек крепко пожал всем руки, особенно крепко Алан, и вбежал в воду.

— Не забудьте сказать о третьей шлюпке! — крикнула вдогонку Алан.

Прошло три часа.

Последние ветви кустарника были сожжены, и Карин, измеряя уровень воды, с ужасом констатировал, что опускание ускорилося.

Под ногами путешественников оставалась только узкая полоска песку. Вода подползала к самым ногам.

Ни лодки, ни паруса на горизонте...

Алан подняла озабоченное лицо.

— Если через полчаса не придет помощь, мы с Дам-Дином перетащим вас и Волосова на берег.

— Не перетаскать будет, Алан.

— Попытаемся! — упрямая складка легла в уголках ее губ. — Все равно тонуть, так уж лучше утонуть, пытаясь спастись...

По глазам Алан Карин понял, что она также не верит, что можно выплыть. Она и Дам-Дин могли бы еще спастись, но тащить за собой еще двоих...

— Я не хочу тонуть... я не крыса... — заныл Волосов. — Давайте спасаться! Дам-Дин, помогите же мне!

Дам-Дин хмуро посмотрел на волны и перевел взгляд на Алан.

— Попробуем! Дам-Дин, иди рядом с Волосовым, пока вода не дойдет до груди. Потом плывите. Волосов будет держаться за твое плечо. Старайтесь ровно и спокойно дышать... Волосов, не хватайте его за шею.

Алан повернулась к Карину:

— Пойдемте и мы.

Она сказала это так просто, словно предлагала прогуляться по набережной Невы.

С трудом вытаскивая ноги из зыбкого песчаного дна, пошли...

— Не идите дальше. Здесь плохо. Не могу ноги вынуть. Песку много несет, — остановился Дам-Дин. Вода была ему по пояс.

Волосов рванулся назад. Лицо его побледнело.

— Холодно...

Он поднял руки вверх, словно пытаясь хотя бы их спасти от темно-серых волн. Но бежать было некуда.

Когда вода дошла Карину до пояса, и брызги стали падать на лицо, он сделал то, чего не нужно было делать: оглянулся. Островок уже исчез. Кругом была вода, одна вода, и он погружался в нее все больше и больше. Сразу упало сердце, стало тяжело дышать. Дно ушло из-под ног. Зеленые круги, расплываясь, побежали перед глазами, и последнее, что сохранила память, было встревоженное лицо Алан, которая пыталась ему ободряюще улыбнуться.

Открыв глаза, Карин увидел звездное небо. Он лежал на спине. Знакомая фигура склонилась над ним, заслонив звезды.

— Алан! А где Джек, Дам-Дин, Волосов?

— Они на корме...

— На корме? А я... Мне приснилось, будто остров потонул, мы — тоже...

— Насчет острова — это верно, а нас спасли рыбаки.

— Понимаю, — Карин устало закрыл глаза и улыбнулся.

Скрипели уключины. За бортом слышался плеск воды. Карин ощутил острый, прохладный запах рыбы. Селенгинка, которую рыбак-рулевой уверенно проводил по протокам к маяку Харауз, скользила спокойно и неторопливо.

Из темноты раздался оклик:

— Не рано ль на шабаш идете? Иль улов велик?

— Велик!.. Таких омулей везем... из самого Ленинграда!

Бежать было некуда: кругом была вода, одна вода...

— Левыми та-а-а-бань!.. Наддай!.. Наддай! ..

На берегу горели костры. В отсвете их метались тени людей. По реке скользило несколько лодок, освещавших путь факелами.

— Что случилось? — вскочил Карин.

У песчаной косы тускло мерцал громадный шар — батистат был найден! Как и предполагала Алан, его отнесло ветром к дельте Селенги. Гондола была цела, но надводную часть слегка повредило штормом.

Алан была расстроена. Известий о судьбе третьей шлюпки с «Ангары» не было.

Начальник маяка Харауз угостил спасенных свежей ухой из омуля, до того крепкой, что, остывая, она превращалась в студень. Подкрепившись, путешественники стали обсуждать дальнейший маршрут. Киноэкспедиция остается на Хараузе до получения известия о судьбе бота «Соболе» и, если его не найдут, отправляется на север, наняв новое судно. После небольшого ремонта батистата Алан должна была с помощью Дам-Дина отвести его на Лиственичную.

— Только бы узнать, Карин, — сказала она тихо, — только бы узнать, кто же виновник взрыва «Ангары»...

Карин, чувствующий себя простуженным после вынужденного купанья, молча пожал плечами и плотнее закутался в плед. Алан, дав знак Дам-Дину и Джеку следовать за собой, вышла из комнаты.

Немного помешкав, Волосов вышел следом. На берегу, при свете факелов, Алан, Дам-Дин и двое рыбаков исправляли подъемное устройство батистата. Джек деятельно им помогал.

— К чему такая спешка? Утром удобнее, — удивленно заметил Волосов.

— Есть хорошая пословица: никогда не откладывай на завтра того, что можно сделать сегодня, — не поднимая головы, ответила Алан.

К двум часам ночи батистат был исправлен, и «аварийно-ремонтная бригада» вернулась на маяк. Дам-Дин и

Джек остались в большой комнате, где уже спали режиссер и художник, а Алан прошла за перегородку.

Проснулась Алан от неприятного ощущения, что кто-то смотрит на нее. Однако комната была пуста. Часы показывали половину шестого. За открытым окном полз туман. Алан зябко поежилась, закуталась плотнее в одеяло и сразу же вновь задремала.

— Ба-ти-ста-т!..

Это слово окончательно разбудило Алан. Ей почудились за дверью тихие шаги. Быстро накинув платье, она заглянула в соседнюю комнату. Четверо мужчин спокойно спали на своих матрацах. Алан подошла к окну. Белые хлопья тумана поднимались с озера. С протока донесся громкий всплеск.

Было без десяти шесть. Алан взяла полотенце, собираясь идти умываться.

Тревожно зазвонил колокол. Раздались крики, захлопали весла; шуршали по песку отталкиваемые лодки, невидимые в тумане. Лицо начальника маяка показалось у окна.

— Товарищ Алан, неизвестное животное в протоке!

Алан вбежала в соседнюю комнату. Волосов неестественно взмахивал правой рукой, пытаясь надеть жилет...

— Товарищи, зверь в протоке!

Через минуту все пятеро бежали к батистату.

Выяснилось, что рыбаки, дежурившие на лодке в протоке у маяка, вдруг почувствовали, как закинутая сеть задрожала, словно ее рвали. Почуввав неладное, сеть стали вытаскивать; в воде мелькнула черная спина чудовища. Рыбаки подняли тревогу. Чудовище разорвало сеть и исчезло в протоке. Оно неминуемо должно попасть во вторую сеть, закинутую у самого устья Селенги.

— Беда, беда! — кричал бурят-рыбак, бегая по берегу, — зверь ушел, прогрыз сеть и ушел!

Алан взойшла на борт батистата. Спутники последовали за ней. Батистат отчалил.

План Алан был очень прост: отойдя метров на 50, она намеревалась опуститься под воду и осмотреть прибреж-

Чудовище разорвало сеть и ринулось в глубину.

ный район, разыскивая загадочного зверя. Она не сомневалась, что он пришел к устью Селенги в погоне за косяками омуля.

Стали готовиться к спуску. Алан скрылась в гондоле и проверила там аппаратуру. Потом, вместе с Дам-Дином, осмотрела лебедку. Все было о исправности.

— Ну, начнем наши поиски... Кто, товарищи, хочет опуститься под воду?

Первым бурно выразил желание Джек. К нему более сдержанно присоединился Карин. Волосов отрицательно покачал головой.

— Мне, знаете ли, что-то не хочется.

— Напрасно, Волосов. Для вас, как для художника, красочный подводный мир будет чрезвычайно интересен, — заметил Карин.

— Разрешите мне только заглянуть внутрь гондолы, а потом я решу...

Побывав в гондоле, художник откровенно заявил, что в этой мышеловке опускаться под воду он боится, пусть даже его отказ грозит расторжением договора.

— Не хотите — не надо, — сухо ответил Карин. — Пункта насчет смелости в договоре нет, так что неустойки не бойтесь.

— На вас, Волосов, мы возложим связь, — решила Алан. — Вы будете принимать сообщения от селенгинок и передавать их по телефону в гондолу. На Дам-Дине лежит управление мотором бота и лебедки... Товарищи, в гондолу!

Алан взобралась по лесенке и скрылась в люке. Карин и Джек последовали за ней.

Гондола оказалась внутри гораздо просторнее, чем представлял себе Джек. Нырнув в люк, он схватился за поручень и с размаху сел на свободное кресло.

В центре гондолы спинами друг к другу помещались три кресла для наблюдателей. Перед каждым креслом — круглый иллюминатор и рядом с ним зеркальный овал, в котором отражалось посредством системы зеркал все, что было видно сквозь другие иллюминаторы гондолы. На алюминиевой кольцеобразной полке были установлены слож-

ные приборы. Кроме того, приборы стояли у ног путешественников и висели над их головами. Джек, начавший было вертеться на своем месте, сразу же посадил на лоб синяк.

Алан распределила обязанности.

— Джек, вы будете наблюдать за этим щитком. На нем расположены шкалы приборов, укрепленных снаружи гондолы: манометра, термометра и прибора, определяющего состав воды и ее прозрачность. На второй щитке — управление приборами, автоматически захватывающими пробы воды, грунта, а также образцы подводной фауны и флоры. Это — «руки» батистата. Каждые десять минут вы будете записывать результаты наблюдений за приборами и сообщать их мне. Кроме этого, перед вами радиоустановка — передаточный и приемный аппараты. Вы будете нашим радистом. А на вас, Карин, — повернулась Алан к режиссеру, — я возлагаю фотосъемку. Вот здесь расположен миниатюрный съемочный аппарат. Учить вас обращению с ним не нужно. Остальные приборы, — Алан с сожалением посмотрела на установленную у места Карина аппаратуру, — требуют специальных знаний, так что во время этого рейса мы приводить их в действие не будем.

Режиссер осмотрелся. Перед ним на раздвижном кронштейне стоял микрофон; такие же микрофоны находились перед Джеком и Алан. Включенные в общую проводку, они позволяли вести разговор с надводной частью батистата. На потолке висел репродуктор. Рядом с ним — матовое полушарие электрической лампы. У каждого рабочего места была прикреплена маленькая электрическая лампочка, прикрытая затемняющим абажуром. При ее свете можно было делать необходимые записи, не мешая наблюдению за подводным миром. Рядом с лампочкой — кнопка с надписью: прожектор.

У командирского места, которое занимала Алан, Карин увидел мраморный щиток с несколькими рубильниками, компас, карту Байкала и несколько циферблатов, показывающих глубину погружения, а также давление, влажность и количество запаса воздуха внутри батистата. Тут же висели

большие часы. Специальный щиток служил, судя по надписям, для управления гусеничным ходом.

Температура в батистате была постоянной. Легко одетые путешественники могли не бояться холода.

Алан оглядела своих спутников.

— Располагайтесь, как дома. Волосов, закройте люк!

Крышка люка, приподнятая совместными усилиями Волосова и Дам-Дина, хлопнула. Карин невольно вздрогнул. Алан повернула выключатель. Послышалось легкое жужжание мотора. Над головой Карина завертелся вентилятор.

— Вот эта установка с баллоном внизу, — объяснила Алан, — непрерывно выделяет кислород из расчета полтора литра в минуту. А это — поглотитель углекислоты. Вентилятор прогоняет воздух через аппарат двадцать раз в течение часа, обновляя атмосферу гондолы.

Алан нажала кнопку — матовым светом вспыхнул небольшой диск, на котором по кругу, одна за другой, стали появляться точки. Алан нахмурилась, подвинула стоявший перед ней на шарнирной трубке микрофон.

— Кто завинчивает гайки номер два и четыре?

— Я завинчиваю! — рывкнул в репродукторе голос Волосова.

— Завинчивайте крепче, до конца. Еще, еще!

На доске вспыхнула новая точка.

Алан повернулась к друзьям:

— Это прибор, показывающий, как плотно завинчены гайки. Принцип контакта... Крышка люка — одна из наиболее ответственных частей батистата. Она должна быть пригнана как можно плотнее; малейшая неточность, плохо завинченная гайка — на глубине, под громадным давлением, явится брешью, сквозь которую может ворваться вода.

С помощью специального усовершенствованного гаечного ключа моторист и художник через четверть часа завинтили все гайки. Перед кварцевыми стеклами командирского иллюминатора появились улыбающиеся лица Во-

лосова и Дам-Дина, мгновенно отразившиеся в обоих зеркальных экранах.

Алан проверила телефонную связь. Волосов гаркнул:

— Все в порядке!

— На-чать спуск, — негромко сказала Алан.

В громкоговорителе (видимо, Волосов приблизил микрофон к лебедке) раздалось скрипение троса.

Батистат вздрогнул и плавно начал опускаться в воду.

ЗАГАДКА СКРЫВАЕТСЯ В СКАЛЕ

Легкий всплеск. Вихри пены и пузырьков воздуха взметнулись за иллюминаторами гондолы. Вверху путешественники увидели серебристый водяной потолок, чуть покачиваемый волнением. Плавающие кусочки камыша казались прикрепленными к водной поверхности.

Золотым дождем уходили в воду тонкие, косые лучи солнца. Белая рубашка Джека стала бледно-зеленой. Сумерки... Хронометр отсчитывал первые секунды пребывания под водой. Ослепительной дугой мелькнула какая-то рыбка, отразившая своей чешуей солнечные лучи.

— Глубоко? — шепотом спросил Джек.

— Девять метров.

Алан распорядилась прекратить спуск. Гондола повисла в воде. Люди напряженно вглядывались: зелено-серая вода — пустынна. Иногда на серебристом «потолке» поверхности зоркие глаза Джека замечали скользившую вдаль длинную тень одной из селенгинок с вереницей поплавков, тянущихся за кормой. Тонкую фильдекосовую паутину — омулевую сеть, которая была подвешена к этим поплавкам, — Джеку не удавалось заметить, как ни напрягал он свое зрение.

— Дайте средний вперед, — склонившись к микрофону, тихо сказала Алан.

Батистат начал медленно двигаться; движение, впрочем, лишь угадывалось по легкой вибрации, передававшей-

ся от мотора по тросу. Вода за иллюминаторами казалась неподвижной.

Батистат двигался зигзагами, исследуя устье главного протока Селенги. Никаких подводных чудовищ видно не было. Лишь в отдалении проносились стайки небольших рыбок...

Неожиданно громкоговоритель передал встревоженный голос Волосова:

— Товарищи! Одна из лодок заметила зверя.

Через несколько минут поравнялись с селенгинкой. По объяснению рыбаков, чудовище только что проплыло на запад, в открытый Байкал.

— Полный ход!

Гондола вышла из области мутных наносов селенгинской дельты. Вода стала прозрачной, видимость улучшилась.

Джек, прильнувший лицом к иллюминатору, отпрянул. О стекло что-то ударилось. Вплотную с гондолой, чуть не касаясь друг друга, двигались рыбы. Это шел косяк омуля, десятки, сотни, тысячи рыб. Джек хорошо мог разглядеть их серебристо-серые тела, сильные плавники. От их мелькания у Джека зарябило в глазах и закружилась голова. Внезапно, словно по команде, весь косяк шарахнулся в сторону и мгновенно исчез.

Через несколько минут батистат врезался во второй, также шедший навстречу косяк. На водяном «потолке» Карин заметил серые, похожие на планеры, силуэты. Это летали над водой чайки.

За вторым косяком последовал третий, четвертый... Омуль, словно торопясь наверстать упущенное время, стремился к Селенге. Только сейчас Карин понял, какое громадное количество этой рыбы обитает в озере.

Начали попадаться и другие жители Байкала. Поодиночке проносились быстрые таймени, стайками скользили около иллюминаторов красноперые окуни. Перед глазами подводных путешественников разворачивалась картина богатейшего рыбного мира Байкала.

Батистат держал курс на запад, к бухте Песчаной. Каждые десять минут Джек сообщал результаты своих наблюдений. Давление за пределами батистата было равно двум атмосферам; температура 6° С.

Алан время от времени подносила к глазам окуляры прибора, похожего на бинокль. Джек попросил разрешения взглянуть. Странные, уродливые существа увидел он в овале прибора.

Это были почти бесцветные крохотные рачки, так называемый «юр», относящийся к планктону — многочисленным живым организмам, не могущим плавать самостоятельно. Поверхностные слои Байкала чрезвычайно богаты этими микроорганизмами, которые служат глазной пищей для здешних рыб. Джек ясно видел, как проплывающие рыбы, разевая пасть, пожирали планктонных животных...

В семь часов сорок пять минут далеко, далеко впереди, на фоне вспыхивающих пятен водяного «потолка», путешественники заметили темное продолговатое тело. В течение десяти минут оно не уменьшалось и не увеличивалось, двигаясь с той же скоростью, что и батистат.

Батистат прибавил ход до 20 километров в час. Однако зверь, видимо, заметив погоню, продолжал держать между собой и преследователями прежнее расстояние.

Алан, не отрываясь, следила за ним.

— Волосов! Нужно двигаться еще быстрее!

Метрах в двухстах справа виднелись очертания подводного хребта. Причудливые, зубчатые вершины отчетливо вырисовывались вдали; подножья гор расплывались во мраке.

Горная цепь приближалась. Скоро стали ясно видны отдельные утесы, между которыми темнели подводные пади.

Кое-где нависшие, подточенные водой скалы, угрожающие подводными обвалами, напоминали своими очертаниями то постройки неведомых существ, то бесформенные массы облаков.

Это был один из многочисленных подводных хребтов, пересекающих котловину Байкала. Среди них есть хребет

высотой около 1000 метров, который тянется от острова Ольхон к полуострову Святой Нос и делит Байкал на две части. Одним из последних в 1935 году был обнаружен и нанесен на карту хребет под названием «Академический». Он идет от северной оконечности острова Ольхон к Ушканьим островам. Его вершины отстоят от поверхности озера местами всего на 200-300 метров. Но и это не является пределом высоты для подводных гор; к югу от Селенги есть вершины, не достигающие до поверхности Байкала лишь на 30-40 метров.

Вдоль одной из этих, еще мало обследованных возвышенностей и продвигался сейчас батистат.

Опасаясь, что чудовище, воспользовавшись близостью гор, попытается укрыться в расщелинах, Алан приказала опустить гондолу еще на 20 метров.

Подводные сумерки сгустились. Однако, благодаря прозрачности воды и солнцу, светившему наверху, можно было видеть окружающее на значительном расстоянии.

Загадочное животное более получаса плыло впереди на той же дистанции. Но наконец оно, возможно, от утомления, начало замедлять ход; силуэт его стал виден более отчетливо. Оно оказалось не таким большим, как предполагала Алан, — всего метра три.

Вдруг все трое вскрикнули. Чудовище, плывшее теперь не более как в тридцати метрах, круто свернуло в сторону и скрылось в скалистых отрогах подводного хребта,

Батистат замедлил ход. Гондола подошла почти вплотную к крутому наклону скалы...

Был слышен только легкий шорох вентилятора, гнавшего воздух сквозь очистительные приборы...

Алан включила прожектор.

— Здесь...

В луче света чуть колебались длинные ленты зеленых водорослей. Среди них алели лучистые морские звезды. В глубине, прикрепленные к грунту, виднелись пресноводные губки — словно упавшие плоды неведомых деревьев — желтые и розовые. Темно-коричневые, голубые и красные раковины приоткрывали свои перламутровые створки, ко-

которые переливались всеми цветами радуги. Камни, покрытые зелеными, колеблющимися вместе с водой колониями мшанок, казались потревоженными светом прожектора живыми существами.

— Волосов! Волосов! — захлебываясь от восторга, кричал Джек в трубку микрофона. — Какие краски! Какие виды! Ныряйте к нам!

В рупоре громкоговорителя зашипело:

— Спасибо. Мне, видите ли, здесь спокойное.

Карин в эту минуту тоже забыл о погоне и скрывшемся где-то поблизости морском звере, он лихорадочно фотографировал ярко освещенные куски подводного мира.

— Вот бы сюда цветную фотографию!

Алан шарил лучом прожектора по скалам. Здесь. Должно быть, где-нибудь здесь...

В зеркале, висящем над столом Алан, отразилось животное, покрытое черной блестящей кожей. Две пары длинных лап с перепонкой, как у лягушки, морда обтекаемой формы.

— Клыки! — воскликнул Джек.

Алан сделала ему знак молчать.

Громадные глаза животного были обведены коричневыми кругами. Взгляд, безразлично пустой и холодный, заставил Джека вздрогнуть и отвернуться.

Лицо Карина показалось ему бледным.

— Фото снимите... быстрее, — шептала Алан, не сводя глаз со странного животного.

Больше всего поражала его поза. Изогнувшись, оно, казалось, сидело на выступе скалы... Попад в лучи прожектора, чудовище метнулось в сторону...

— Полный вперед! ..

Батистат скользил мимо скал, все увеличивая скорость.

Чудовище успело уйти вперед, но погоня не казалась напрасной. Силуэт его был виден метрах в 10-15... Оно двигалось вперед толчками, оставляя за собой странный пенящийся след.

В восемь часов двадцать минут серая, пятнистая стена, отвесно уходящая в глубину, преградила путь.

— Берег!

Животное свернуло к югу, вдоль отвесной стены. Батистат последовал за ним и вскоре почти нагнал его. Оно делало резкие повороты, то уходя глубже, то вновь поднимаясь, словно чего-то искало. И вдруг, изогнувшись, юркнуло в расщелину...

Глубоко ли идет эта щель? Сообщается ли она с системой подводных пещер, которые позволяют зверю уйти от преследователей, или это тупик?

Луч прожектора, проникавший в расщелину на два-три метра, не мог дать ответа на этот вопрос.

Желая исследовать берег и, может быть, найти другой ход, Алан приказала медленно поднимать гондолу. Водоросли и пятна на граните, местами ржавые, местами зеленые — вот все, что видели наблюдатели.

Неожиданно в скале блеснул огромный диск — окантованное чечевицеобразное стекло.

— Стоп!

На глубине пятидесяти метров из застекленной пещеры несколько человек в легкой синей одежде внимательно рассматривали батистат. Потом, точно по команде, они исчезли за выступами стен...

Алан включила разом все три прожектора. Казалось, солнечный июльский полдень ворвался сквозь толстое стекло в подводную пещеру, превращенную усилиями человеческих рук не то в мастерскую, не то в лабораторию.

— Что же это? — прошептал Джек, приложив ладонь ко лбу.

В глубине, на шестиколесной тележке, стоял длинный низкий аппарат. С одного его конца свешивался суставчатый металлический рычаг, похожий на хобот, с другого — сбегали изолированные провода, собираясь на укрепленную справа катушку. Позади аппарата чернело отверстие узкого туннеля. Видимо, аппарат выкатили оттуда. Разложенные на тростниковой циновке инструменты говорили о том, что обитатели пещеры только что занимались регулированием или починкой его.

Налево тускло блестела узкая дверь из белого металла. Вдоль стены выстроилась батарея невысоких, металлических цилиндров. Направо — вторая батарея: небольшого размера аккумуляторы. Сколько их! Как видно, для загадочного аппарата требуется немало энергии.

Ближе к стеклу, в центре, на бамбуковых столиках расположены приборы. Алан узнала некоторые из них, применявшиеся при исследовании морских глубин; другие составляли обычное оборудование сейсмографических станций.

Желая подробно рассмотреть обстановку пещеры, Алан поднесла к глазам бинокль. Вырванные объективом детали выросли до гигантских размеров.

Баллоны с кислородом... бамбуковый стул с небрежно брошенным на него халатиком... на столе разбросаны бумаги, планы, карты, чертежи, по ним растеклись струйки чернил от опрокинутой чернильницы, — видимо, появление батистата заставило хозяев пещеры спешно бросить работу... Пробирки с коричневатой жидкостью... образцы горных пород... кварц, гранито-гнейс, осколки какого-то грубозернистого зеленого камня... простые, закрытые карманные часы...

Алан взяла в фокус крышку часов. Она сделалась огромной. Ясно можно было различить торговую марку: «Мэд ин Джапан» — сделано в Японии...

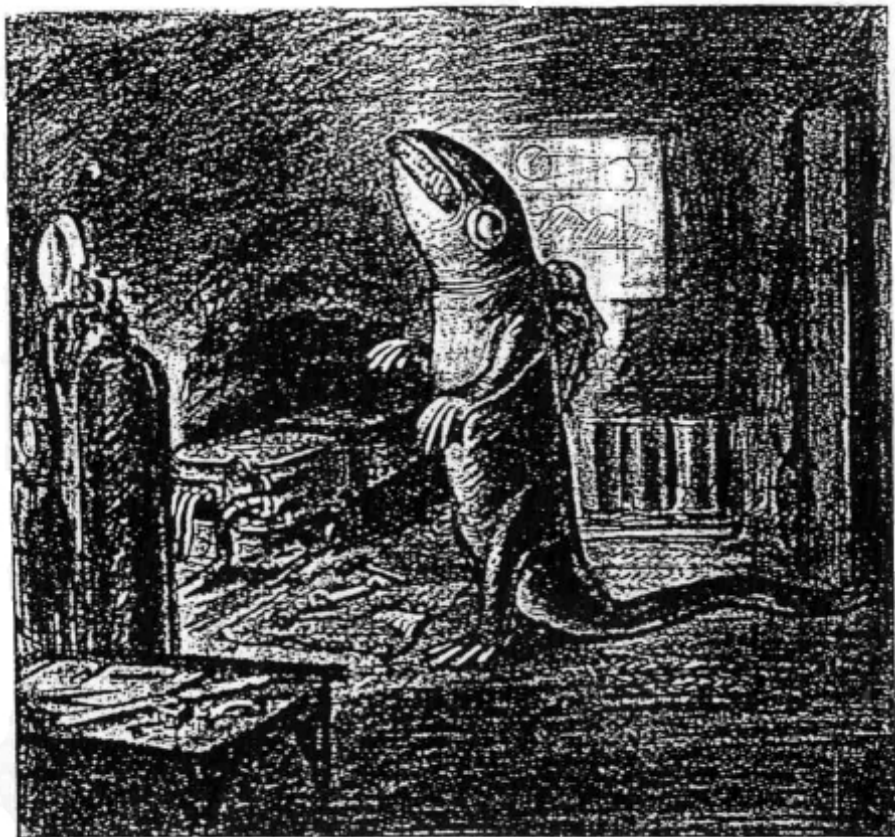
Карин, напряженно рассматривавший отраженную в зеркале пещеру, не видел этих деталей, которые были доступны лишь биноклю.

Алан до боли сжала его руку.

— В чем дело?

— Там... впрочем, потом, Карин, потом. Смотрите!

В глубине пещеры распахнулась металлическая дверь. В узкой щели показалось чудовище, за которым они тщетно гнались. Оно вошло в пещеру, ступая на задние ласты. Длинный черный хвост волочился по полу, сдвигая циновки. Подняв передние ласты, чудовище буквально свернуло себе шею и положило на пол морду с громадными глазами и зубастой пастью. Из оболочки туловища высунулась

Чудовище вошло в пещеру...

голова человека... Увидя батистат, он ринулся в сторону, задевая хвостом за бамбуковые табуретки.

Залитая светом пещера снова стала безжизненной. Лишь на одной из стен, словно нога огромного кузнечика, плясала тень от какого-то рычага.

— Это он! — вскрикнула Алан. — Я узнала его... Здесь убежище диверсантов... Они хотят... Впрочем, об этом потом, — сказала она шепотом. — Сейчас важно одно: захватить их...

— Но как это сделать?! — воскликнул Джек, сжимая кулаки.

Пещера несомненно сообщалась с озером шлюзовыми камерами: это доказывалось появлением «чудовища». Но она должна была общаться и с поверхностью земли, иначе трудно было бы объяснить, как в нее доставили сложную и громоздкую аппаратуру. Значит, диверсанты могли ускользнуть или в озеро или на сушу. Надо было отрезать им оба пути. Но как?

— Задержать их мы бессильны. Надо как можно скорее дать знать органам власти о них, — сказал Карин. — Немедленно подняться, подойти к ближайшему населенному пункту и сообщить о врагах, чтобы сразу же оцепили этот участок берега, пока вызванные водолазы-эпроновцы, с помощью батистата, не проберутся в убежище через подводный ход...

Не дослушав до конца, Алан закричала в трубку микрофона:

— Волосов! Мы обнаружили подводное убежище диверсантов. Немедленно поднимайте нас!..

Карин, привстав со своего места, оттолкнул в сторону микрофон.

— Что с вами, Карин?

— Вы знаете, с кем говорите?

— С вашим художником.

— Я должен вам сказать, что Волосов...

Из громкоговорителя рванулся грохот. Гондолу сильно встряхнуло. Освещенная прожектором стена берега стремительно понеслась вверх.

— Трос оборвался! — прошептала Алан побелевшими губами.

Гондола со все нарастающей скоростью падала в неизведанную глубину...

ПРОПАВШИЕ ЧЕРТЕЖИ

Отделенная от надводной части, гондола падала вертикально: тяжелый ходовой механизм не позволял ей качаться или раскачиваться. Путешественники, вначале от толчка потерявшие равновесие, теперь сидели, вцепившись в поручни кресел, ожидая удара, который неминуемо должен был последовать, когда гондола достигнет дна. Джек инстинктивно подобрал под себя ноги.

Алан выключила прожекторы. Над столиком командира загорелась бледным светом электрическая лампочка. Алан следила за показаниями приборов. Падение, казалось, не кончится никогда...

Мягкий толчок. Снова такой же толчок. Гондола дважды легко подпрыгнула, будто мяч. Затем сильный удар выбросил путешественников с мест, и гондола, чуть накренившись, остановилась.

Несколько минут все трое сидели оглушенные. За иллюминаторами была полная тьма. Алан включила прожектор. Громадный столб взвихренного водой песка вздымался рядом с батистатом. Со дна бил мощный подводный фонтан, на который вначале упала гондола. Может быть, это спасло им жизнь, смягчив удар о дно.

Термометр, помещенный вне гондолы, показывал двенадцать градусов тепла. Фонтан был одним из горячих источников, подобный тем, которые нередко встречаются на берегах Байкала.

Дно вокруг батистата было совершенно ровное, усыпанное белым песком. Вдали смутно темнел массив берегов. Батистат, по-видимому, лежал в одной из глубоководных долин Байкала. Размеры этих долин иногда очень зна-

чительны. Так, напротив острова Ольхона на глубине 1600 метров расстилается долина, площадью около 1000 квадратных километров.

Стрелка на циферблате глубины показывала 723 метра. Давление равнялось 72,3 атмосферы.

Абсолютный покой царил на этом, впервые посещаемом людьми, участке байкальского дна. Самые сильные волнения не проникали на семисотметровую глубину. Равномерная температура, полное отсутствие света, — все это создавало здесь особые условия для развития жизни, совершенно непохожие на те, которые имеются в верхних слоях воды.

Перед иллюминаторами батистата в луче прожектора неподвижно повисло странное существо.

Это была круглая, как футбольный мяч, рыба с крохотным хвостом; по всему ее телу, от рта к хвосту, шли ровные, словно проведенные кистью, полосы всех оттенков красного цвета — от бледно-розового до темно-бордового. Громадные, как блюдца, глаза сидели на коротких стеблях; казалось, рыба надела очки автомобильного гонщика...

Чуть заметным движением рыба приблизилась к кварцевому стеклу, словно желая показать богатство своих красок, потом медленно удалилась из поля зрения.

Режиссер первым нарушил молчание:

— Да, здесь нас никто не услышит...

Алан повернула к нему лицо. Карин увидел, что ее щеку пересекала свежая рана.

Из сумки с красным крестом Джек достал пахнущий йодоформом бинт и неумелыми руками начал накладывать повязку, боясь причинить боль.

— Что же мы будем теперь делать? — сказал он растерянно. — Проклятые диверсанты! Чего они хотят?

— Хотят взорвать Шаманский камень, уничтожить ангарскую плотину, — сказала Алан.

— Так ведь Ангарстрой еще не начат постройкой, — с недоумением заметил Карин.

— Они заблаговременно готовят ее разрушение... Они хотят взорвать плотину тогда, когда она уже будет сдержи-

вать двухметровый пласт воды, площадью в 34.000 квадратных километров. Хлынет сокрушающий все препятствия поток, и строящиеся гидростанции, заводы, города, колхозы исчезнут под водой. Поток отрежет Восточную Сибирь от страны. Расчет диверсантов — это расчет дальнего прицела...

— И вы знаете одного из них?

— Да. Под видом специалиста по тектоническим землетрясениям он два года назад приезжал на Лимнологическую станцию. Кто бы мог подумать тогда...

Алан замолчала.

Джек заметил, что наложенная им повязка сползла.

— Ничего, Джек, царапина совершенно меня не беспокоит... Одного я не могу объяснить — откуда на столе в подводном убежище взялись чертежи батистата...

— Чертежи батистата?! — в один голос вскрикнули Карин и Джек.

— Да, моя папка с чертежами. В день гибели «Ангары» я обнаружила, что она исчезла из нестораемого ящика в моей каюте...

— Я теперь знаю, как она попала к диверсантам, — сказал Карин. Он сдвинул брови и закусил губу, словно от боли.

— Вы? Откуда?

— Это сделал Волосов... — Карин теребил клапан верхнего кармана гимнастерки. — Он явился ко мне как нарочно в момент, когда перед самым нашим отъездом на Байкал заболел наш художник. Предъявил блестящие рекомендации... Теперь я не сомневаюсь, что подложные... В нем всегда чувствовалось что-то враждебное... Я не раз думал, что совершил ошибку, взяв его с собой. А теперь, после обрыва троса, мне все ясно. Помните, Джек, как Волосов заблудился в трюме «Ангары»? А потом на ней произошел взрыв... Во время осмотра судна он предпочитал бродить в одиночку. Вот тогда-то он наверное и проник в каюту Алан, чтобы выкрасть чертежи... Я молчал о своих подозрениях, желая еще раз проверить его сам, и этим совершил грубую ошибку...

— Но мы найдем в себе силы ее исправить! — воскликнула Алан. — Джек, беритесь-ка за радиопередатчик и старайтесь связаться с Иркутском или Лиственичной. Мы начнем двигаться по дну, — Алан взглянула на карту, — к востоку. Северо-западный берег озера уходит под воду крутым обрывом. Придется направиться на противоположную сторону, где крутизна меньше. Там, пользуясь нашими гусеницами, мы легко сможем выбраться на поверхность.

— Батистат подготовлен к такому путешествию?

— Вполне. Ходовой механизм в исправности. Двигаясь со скоростью 20 километров в час, мы уже через два часа достигнем берега. Аккумуляторов у нас хватит часов на двадцать. Запас воздуха рассчитан на двенадцать часов, а мы находимся под водой только два с половиной.

Алан проверила по компасу направление и передвинула рычаг ходового механизма. Оставляя позади себя два змееобразных следа, батистат пополз по равнине.

На Джека сейчас ложилась самая ответственная задача. Нужно было поднять тревогу. Обнаруженные диверсанты могли попытаться осуществить хотя бы частично подготовленный взрыв и скрыться.

Джек, возившийся с передатчиком, встревоженно обернулся к товарищам:

— Установка испорчена.

— Не может быть, Джек! — Алан встала и нагнулась к передатчику. — Я сама проверяла его накануне.

Но передатчик действительно не работал. Карин вспомнил, что Волосов лазил в гондолу перед самым спуском...

Теперь сидящие в батистате могли сообщить о замыслах диверсантов, только выбравшись на поверхность. Батистат шел с предельной скоростью — 25 километров в час.

За окнами гондолы развевался странный глубоководный мир. Здесь не было растений — водоросли, которые, как и все растения, не могут жить без света, не опускаются ниже 400 метров. Не было здесь и животных, питающихся водорослями. Обитатели глубин — это хищники, пожирающие или друг друга или отбросы и трупы животных, спускающиеся на дно из более высоких слоев.

Однако глубины озера не были пустыни. На песке там и сям покачивались стройные темно-коричневые морские лилии, которые Карин принял сначала за цветы. У этих животных, относящихся к типу иглокожих, тело имело форму кубка, на краю которого шевелились длинные «листья» — руки. Между лилиями неторопливо проползали по дну гигантские ярко-алые и бурые, похожие на слизняков, голотурии; на теле их, словно рога улиток, торчали неуклюжие наросты. Темно-фиолетовые морские ежи, сплошь усеянные острыми иглами, передвигались по грунту, пользуясь вместо ног своими длинными шипами. Морские звезды, в отличие от тех, которых путешественники видели на поверхности, имели более тонкие и длинные лучи ярко-пурпурного цвета.

Алан записала в путевом журнале:

27 июля. 9 часов 50 минут. Карин заметил у левого иллюминатора красную вспышку. 9 ч. 52 — о такой же вспышке сообщает Тенин. 9 ч. 57 — лично наблюдала странное явление: перед иллюминатором словно вспыхнуло пламя. Объяснить причину затрудняюсь...

Равнина постепенно снижается. Глубина 800 метров. Ожидаемого подъема пока еще нет. Фауна носит резко выраженный морской характер. Это подтверждает положение, что в реликтовых озерах, к которым относится Байкал, глубинная фауна меньше подвергается изменению, чем поверхностная. Впрочем, морская фауна переменяется с пресноводной и эндемичной байкальской...

Перед иллюминатором проплыла рыба с розовым, жирным, почти прозрачным телом, около полуметра длиной, с громадной головой почти в треть туловища, с огромными навыкате глазами и длинными жабрами. Это была замечательная голомянка, живородящая рыба, обитающая только в Байкале на больших глубинах. Наши путешественни-

ки были, видимо, первыми из людей, наблюдавшими голомянку в ее естественной обстановке. Можно думать, что обычно она не заплывает так глубоко, осенние волнения выбрасывают ее на берега озера целыми горами: под лучами солнца эта нежная рыба буквально тает на глазах.

В стекла подводного бинокля Алан видела похожие на ярко окрашенные веера раковины, лежащие на песке — более хрупкие и тонкие, чем раковины верхних слоев озера.

Красная вспышка опять мелькнула у самого окна.

— У меня впечатление, — Джек попытался улыбнуться, — словно нас кто-то обстреливает...

Карин с сомнением качнул головой.

Алан слегка изменила курс батистата. Он шел, делая небольшие зигзаги.

Снова и снова таинственные вспышки — слева и справа.

— Недолет, — попробовал пошутить Джек, но голос его дрогнул.

В луче прожектора показались большие, до двух метров длиною, рыбы неприятного, грязноватого цвета, похожего на цвет вымокшего мяса. Крохотные глаза их, расположенные на самой вершине головы, тупо смотрели вдаль; маленький открытый рот казался беззубым; вертикальные плавники их были огромны, как паруса; хвостовые, напротив, — совсем крохотные. Медленно колебля плавниками, эти рыбы, словно нехотя, тащились мимо батистата. Казалось, что они мертвы, и мертвые продолжают свой путь.

— Таких же рыб, — сказала Алан, — встречал во время своих глубоководных путешествий американский исследователь Биб.

Странная рыба, состоящая из одной громадной пасти, усаженной саблевидными зубами, и маленького хвостика, метнулась навстречу рыбам-мертвецам. Она дерзко атаковала одну из них, несмотря на то, что та была больше ее в два раза, и вскоре, к изумлению Джека, проглотила своего

Обрывок троса остановил движение...

громадного противника, очертания которого теперь смутно виднелись в неимоверно раздувшемся ее желудке.

Наблюдения над рыбами были неожиданно прерваны. Батистат резко рванулся и стал на месте. Алан перевела регулятор на задний ход. Гусеницы заскребли по дну, но, продвинувшись на метр, снова остановились.

Неужели испортился механизм гусеничного хода?

— Трос!

Карин был прав. В иллюминатор был виден кусок оборвавшегося троса. Он волочился следом за батистатом и теперь, при одном из поворотов, попал в механизм ходовой части, остановив движение. Трое людей были окончательно отрезаны от мира...

Вблизи батистата снова мелькнула красная вспышка. И сразу гондола загудела, будто кто-то ударял по ней снаружи...

Перед иллюминатором повис светящийся мертвенно-зеленоватым светом глаз. Один только глаз, покачивающийся на тонком стебельке. Затем показался конец бугорчатой черной клешни, потом — суставчатая нога.

— Эйриптериус... — прошептала Алан. — Ракоскорпион! Живой эйриптериус!..

Гигантское, выше двух метров ростом, чудовище, одетое в темно-коричневый панцирь, застыло перед батистатом. Казалось, оно спрашивало, что нужно здесь троим смельчакам?

Наверху, над поверхностью Байкала, светило солнце, скользили чайки...

А здесь, на страшной глубине, только луч прожектора прорезал на несколько метров абсолютную тьму. Столб воды в 867 метров высотой давил на гондолу батистата. На каждый квадратный сантиметр поверхности гондолы давление было равно 867 килограммам. Выйти из гондолы было невозможно, даже если бы крышка люка не была завинчена снаружи, а открывалась бы изнутри, и у людей

были бы водолазные костюмы. Вода сплющила бы тела людей, как яичную скорлупу.

Через восемь часов в гондоле должен был кончиться запас воздуха.

— Мы не можем здесь остаться, Алан! — воскликнул Карин. — Мы должны дать знать о врагах... Неужели нельзя ничего придумать для нашего спасения?

Алан тщательно осмотрела в иллюминатор запутавшийся обрывок троса. Он натянулся, как струна, от стального гребня гондолы, к которому был прикреплен, к ходовой части, где в узкой щели между одной из гусеничных лент и направляющим роликом исчезал его оборвавшийся конец.

— А что, если попробовать освободить трос стальной «рукой» батистата?— предложил Карин.

— Она находится на противоположной стороне гондолы и может действовать только перед собой, — ответила Алан.

— Эх, если бы какая-нибудь рыба перегрызла трос!— вздохнул Джек. Алан, что-то обдумывая, посмотрела на него.

— Перегрызть трос... А ведь это мысль! Попробуем сами сделать это...

Повернувшись к пульту управления, она взялась за рычаг. Гондола вздрогнула, рванулась вперед, остановилась. Алан нажала другой рычаг. Гондола, опять вздрогнув, рванулась назад и снова остановилась.

Вперед — назад. Вперед — назад.

Рано или поздно зубы ходового механизма должны были «перегрызть» конец троса, и тогда батистат будет свободен. Электрической энергии хватит. Но хватит ли воздуха для находящихся в гондоле людей?

Гондола двигалась рывками: вперед — назад, вперед — назад. Приборы вздрагивали.

Для экономии электроэнергии выключили прожектор. За окнами, переливаясь разноцветными огнями, проплывали обитатели глубин.

Многие из них обладают способностью светиться. Сюда, где они живут, не проникает солнечный свет. Своим све-

том они приманивают добычу, отпугивают врагов или, наконец, просто освещают себе путь.

Искорками блестели маленькие рачки. Отростки над глазами плоских рыб, которых наблюдатели заметили ранее, светились бледно-желтым светом, отражавшимся от их темной спины. Медленно проплыл, шевеля щупальцами, десятиногий моллюск, напоминавший каракатицу. Тело его было усеяно голубыми точками; громадные глаза блестели зеленоватым огнем; собранные в пучок у ротового отверстия длинные щупальца полыхали рубиновым светом. Проскользнула небольшая рыбка, все тело которой, как фонарь, светилось бледно-зеленым огнем, постепенно переходившим в голубой. Дно, по которому то здесь, то там вспыхивали светло-желтые и оранжевые точки, казалось чудесным, необычайным небом.

Гондола продолжала дергаться то вперед, то назад. Джек сидел, зажав голову ладонями рук. Его тело раскачивалось...

Вперед — назад. Вперед — назад. Подводные огни за стеклами иллюминаторов плясали...

Неужели эта попытка освободиться будет неудачна?

Вперед — назад. Вперед — назад. Поток крохотных красных стрел пронесся за стеклом. Следом за ними из темноты мелькнула узкая, сдавленная с боков, морда большой рыбы, с хищной, широко разинутой пастью, сплошь усаженной шипообразными зубами.

Вперед — назад. Вперед — назад.

Карин тщетно пытался найти положение, которое позволило бы хоть на секунду отдохнуть от этой невыносимой качки. Джек не выдержал.

— Алан! Полминуты...

— Остановить?

— Нет, ни в коем случае! Я начинаю путать слова...

Вперед — назад. Вперед — назад.

Карину казалось, что он сходит с ума. Ритмичный скрип гусениц, равномерное раскачивание гондолы. ..

Алан действовала механически, словно в кошмаре. Рычаг вперед. Остановка. Рычаг назад. Остановка. Казалось,

что весь мир провалился в черную мглу, где вспыхивают голубые и красные огни, и гондола падает в межпланетное пространство, падает без конца, раскачиваясь и скрипя...

Вперед — назад... Вперед — назад... Вперед... Вперед!

Гондола резко рванулась вперед. Стальные зубья механизма перегрызли трос.

Батистат был свободен... Первые минуты пленники Байкала были счастливы уже тем, что прекратилось невыносимое раскачивание. Включили прожектор. В иллюминатор был виден свободно свисавший обрывок троса. Теперь он не доставал до гусениц ходовой части.

Алан занесла в журнал: «Освободились от троса 11,32. Задержка час. Курс на Ю-В»...

Батистат шел вдоль подножия подводной цепи гор.

Колонии мшанок усеивали отроги скал. Красные морские лилии гнездились между ними, протягивая навстречу батистату свои нежные лепестки. Громадные паукообразные крабы, вышиною в человеческий рост, пугливо улепечивали на тонких хрупких лапах в сторону от стального чудовища.

Батистат свернул в ущелье.

— Часа через два будем на берегу, — уверенно сказала Алан.

Вспышка красноватого света озарила внутренность гондолы. Карин, прижавшийся к стеклу, вскрикнул и отшатнулся, инстинктивно закрывая лицо рукой.

Вдруг он рассмеялся. Алан и Джек с удивлением смотрели на него.

— Смотрите! Смотрите! — указал Карин на иллюминатор.

Стая небольших креветок кирпичного цвета плыла рядом с батистатом. Алан отчетливо видела отдельные суставы их тел, длинные усики... Черная зубастая рыбка ворвалась в стаю и погналась за одной из креветок. Обернувшись к преследователю, креветка выбросила облако светящейся красной жидкости. Это было похоже на вспышку

магния. Рыба была ослеплена: разевая пасть, тщетно пыталась она найти свою добычу. Во тьме байкальских глубин это средство защиты было так же действенно, как чернильная завеса, выбрасываемая каракатицей в прозрачной воде.

— Вот и разгадка вспышек, — улыбаясь, сказал Карин.

В 11 часов 50 минут, когда батистат пробирался по довольно широкому ущелью, Алан указала Карину на компас. Стрелка компаса металась.

— Магнитная буря?

— Видимо, здесь мощные залежи магнитного железа, — ответила Алан.

Она вглядывалась в подножия утесов... Надо попытаться выбратья отсюда...

Утес, вдоль основания которого двигался батистат, вдруг заколебался. Находившиеся в гондоле путешественники ясно почувствовали содрогание почвы. Джек с недоумением посмотрел на Алан.

— Подводное землетрясение?..

Алан не успела ему ответить. Сорвавшийся с утеса огромный камень упал в нескольких десятках метров позади батистата. Движение воды отбросило гондолу в сторону. Обитатели ее еле удержались на ногах.

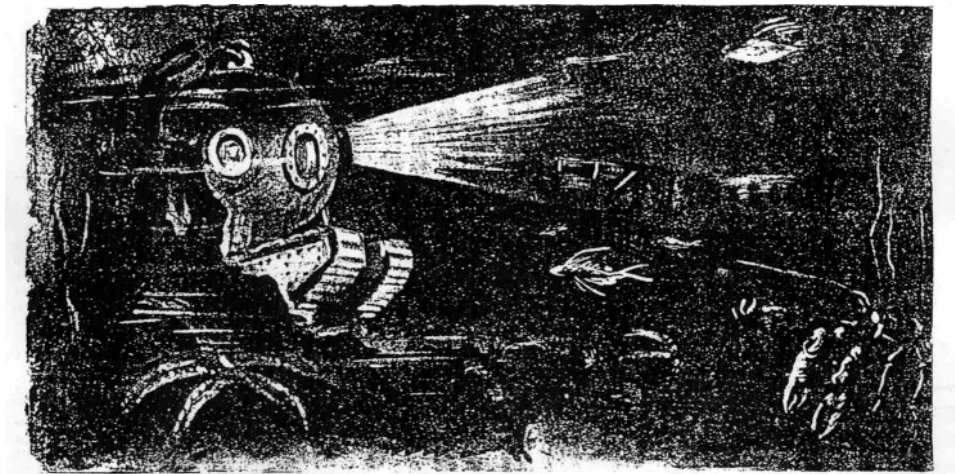
— Это один из легких подземных ударов, — сказала Алан, — следствие небольшого перемещения участков земной коры или скрытой вулканической деятельности. Но на поверхности озера этот толчок вызовет значительное волнение... Вот вам одна из разгадок безветренного волнения на Байкале...

Упавшая скала преградила обратный путь. Оставалось одно — продолжать двигаться вперед. Компасу доверять было нельзя. Ущелье свернуло налево, потом еще налево... Волей-неволей приходилось следовать его направлению. ..

Впереди показалась цепь невысоких угловатых холмов. Правильные их очертания были странно знакомы.

— Поезд!

Действительно, это были вагоны, полузасыпанные песком и обросшие ракушками и мшанками. Стайка рыбок

Это были вагоны, полужасыпанные песком...

влетела в черный прямоугольник — когда-то бывшее окно...

В 1903 году Крутобайкальская железная дорога еще не была закончена, и составы перевозили через Байкал на мощном ледоколе. Во время одного из рейсов осенняя буря настигла ледокол. Плохо закрепленные вагоны сорвались в ледяную воду Байкала...

Карин, Алан и Джек молча, взволнованно смотрели на эти останки, лежащие в подводной тишине и мраке.

Воздуху оставалось на шесть часов. Успеет ли батистат добраться за это время до берега? Алан внимательно следила за рельефом местности. Вдруг яркий луч света ослепил ее. На секунду она потеряла управление. Батистат отклонился в сторону; раздался скрежет, — гондола, видимо, задела скалу. Алан потушила прожектор, остановила мотор.

С минуту все сидели, втянув головы в плечи, словно ожидая, что вот-вот в гондолу ворвется вода. Однако, не обнаружилось даже малейшей течи: гондола осталась совершенно целой.

Батистат отполз назад на десяток метров. Снова осветили путь.

— Царапина на стекле моего иллюминатора! — сделал открытие Карин.

— Режет стекло только алмаз... но как мог здесь появиться алмаз? — пробормотала Алан.

Она осторожно направила батистат вперед. Справа и слева отвесно вздымались базальтовые уступы.

Неожиданно в глаза путешественников опять ударил ослепительный луч и тотчас погас. Затем на высоте полутора метров в скале появилась длинная полоса блестящих точек. Небольшие кристаллы — шаровидные, кубические и других форм переливались всеми цветами в лучах прожектора. В базальтовое основание скал был вкраплен алмазный пояс! Он-то и «оцарапал» батистат, когда ослепленная Алан потеряла управление.

Через несколько минут алмазная гряда кончилась так же внезапно, как началась.

Алан, не отрываясь от рычагов управления, продиктовала, а Карин записал в путевой журнал:

«14,20. Глубина 1.457. Воздуха осталось на четыре часа. Батистат прошел 52 километра. Если бы мы шли на Ю-В, давно был бы берег. Где мы? Судя по увеличивающейся глубине, мы движемся к западной оконечности озера. Попробуемся подняться там, хотя это и очень затруднительно...»

Машинально ведя батистат по ущелью, Алан задумалась. Если они действительно идут к Култуку, крайнему пункту на западе Байкала, — скоро должен быть берег. Только бы Джек не смотрел такими испуганными глазами на циферблат, где неумолимая стрелка отмечает каждый глоток воздуха! Может быть... Нет... это рискованно. Надо подождать. Они сейчас в районе больших глубин.

— Любопытная желтая скала, — заметил Карин.

— Красивый цвет, — добавил Джек, — мягкий...

Карин вскочил:

— Да это же... золотая скала!

Громадный выступ золотистого цвета выделялся из породы. Рядом было вкраплено несколько гигантских самородков. Когда они остались позади, в скалах замерцала толстая золотая жила; изгибаясь, как громадный желтый удав, она исчезала вверх во мраке. Люди проводили взглядом скрытые под водой сокровища.

— Можно ли разрабатывать золото на такой глубине? — спросил Карин.

— Вполне возможно. Если бы мы не дорожили каждой минутой, то могли бы, с помощью «механической руки», взять на пробу куски породы. Систематическую разработку можно наладить, используя специальные батистаты... Вот когда поднимемся наверх...

Алан, как видно, не теряла на это надежды.

Ущелье становилось все более узким. Алан казалось, что скалы вверх сходятся, образуя туннель... Батистат шел полным ходом.

Внезапно открылся чернеющий провал. Алан не успела дать задний ход; гусеницы сорвались с края скалы, батистат соскользнул на пологий скат. Тучи ила взметнулись из-под гусениц. Несколько секунд ничего нельзя было разобрать. Сначала Алан обрадовалась — ей показалось, что батистат попал в район мутного устья Селенги, и только когда вода прояснилась, она поняла безвыходность положения.

Перед батистатом круто опускался узкий, длинный коридор, смыкающийся вверху. Позади, в иллюминатор Карина, виден был трехметровый обрыв, с которого упал батистат. Взобраться обратно на этот обрыв было невозможно. Оставалось идти вперед и... опускаться еще глубже.

На глубине в 1.980 метров ущелье расширилось. Дно стало более отлогим. Скал по бокам уже не было видно. Алан старалась держать путь по прямой.

Губки, похожие то на яблоки, то на блюдца, виднелись среди зарослей морских лилий. Колонии пресноводных мшанок кучами лепились по дну. Рядом с ними на песке во множестве встречались камни странно-одинаковой формы, черные и блестящие.

— Товарищи, — вдруг вскрикнул Джек, — камни удирают!

— Как удирают? — отозвался Карин.

— Очень просто — вот последние улепетывают...

Действительно, то, что путешественники приняли сначала за камни, оказалось живыми существами. Алан навела на одного из них прожектор. Животное овальной формы походило на громадную, метровую мокрицу. Посредине темно-серого панциря его шел широкий, продольный бугор. На головном щитке поблескивала пара маленьких глаз; из-под спинного щитка, состоявшего из ряда сегментов, виднелись членистые ножки.

Неожиданно животное свернулось, превратившись в покрытый панцирем шар.

— Трилобит! — удивленно сказала Алан. — Живой трилобит...

— А это еще что за гадины?

Карин указал на несколько двухметровых темно-серых раковин, напоминающих формой вытянутый рожок. Они двигались толчками, заостренным концом вперед. С другого расширявшегося конца раковины холодно смотрели глаза диаметром в полметра; серо-зеленая голова моллюска была окружена десятком извивающихся щупальцев.

— Это эндоцерасы, — сказала Алан. — Мы видим невероятные вещи! Ведь и ракообразные трилобиты, и головоногие моллюски-эндоцерасы — это давно вымершие животные силурийского периода...

— Мне что-то не очень хочется их видеть, — безгласно поморщился Карин. — Щупальца... бррр... а глаза... Нет уж, трилобиты, по-моему, и то симпатичнее.

— А что такое силурийский период? — Джек раскрыл блокнот.

— Геология разбивает историю земли на пять частей, называемых эрами. В каждую эру, с момента своего возникновения, животный и растительный мир земли имел свои особые отличные формы. Нас окружают животные и растения силурийского периода — второго из пяти периодов палеозойской эры, существовавшего, приблизительно, триста сорок миллионов лет назад.

В предшествовавший силурийскому период — кембрийский — на том месте, где сейчас лежит Байкал, расстилось море. В силурийский период оно стало мелеть. Северный материковый щит — выступ первичных горных пород, больше уже не покрывавшийся водой, — стал увеличиваться и положил начало северному материку, в состав которого тогда входили теперешняя Европа, Сибирь и Канада. На этом материковом щите и лежит Байкал. Скалы, которые вы видели на берегах Байкала, — это обнаженные куски щита, первичные горные породы, сглаженные остатки самых древних горных хребтов. Байкал постепенно мелел; обитатели его или погибали или приспосабливались к жизни в новых условиях или, наконец, укрывались в глубоких впадинах дна.

В последний период новой — кайнозойской — эры, четвертичный период, котловина Байкала опустилась. Обра-

зовались те глубины, на которых мы с вами сейчас находимся. По-видимому, древнейшие обитатели Байкала скрылись в них. Теперь Байкал открыл нам свои тайны!

— И мы передадим эти тайны нашей стране, Алан!

— Обязательно, Карин.

— Но почему могли сохраниться эти животные именно здесь? — спросил Джек.

— Почему? — Алан заговорила медленно, словно размышляя вслух. — Может быть, играет роль физико-химический состав воды на глубинах или ее исключительная плотность, или... Во всяком случае, какие-то благоприятные условия помогли этим животным существовать и размножаться здесь, тогда как во всех остальных местностях они погибли во время геологических революций. Хотя... кто знает? Может быть, они живут и в неисследованных глубинах океана...

Алан умолкла, потом добавила дрогнувшим голосом:

— Пожалуй, есть еще одна причина, которая способствовала сохранению силурийской фауны именно здесь: ученые установили, что наибольшее сходство с древними, давно исчезнувшими типами, имеют представители фауны, обитающей в пещерах...

— Значит...

— Вы хотите сказать, что...

— Мы с вами, товарищи, невольно проверяем на практике теоретические положения геологии. Мы попали в гигантскую глубоководную пещеру.

ЕСТЬ ОДИН ВЫХОД...

Изумление, вызванное словами Алан, сменилось отчаянием. Батистат — в пещере! Через некоторое время последние сомнения в этом исчезли: прожектор вновь нащупал во мраке гранитные стены; суживаясь вверху, они переходили в мощный, непоколебимый свод.

Теперь надежда на то, что батистат рано или поздно выберется из лабиринта утесов и всползет на берег, должна была отпасть. Как можно надеяться на спасение, если над головой, помимо двухкилометровой толщи воды, еще каменный потолок пещеры?..

И все же Алан надеялась. Все ее мысли были направлены к тому, чтобы найти выход из ловушки, в которой находился батистат.

— Неужели мы погибнем? — тихо проговорил Джек.

— На это мы не имеем права, Джек! Мы не можем погибнуть, — горячо возразила Алан.

В ее словах было напоминание необходимости дать знать наверх о подводных диверсантах. Мысль о том, что тайна останется погребенной на дне, вызывала у Джека желание кричать... Он еле сдерживался...

Алан совещалась с Кариным. Режиссер зажег электрическую лампочку, достал бумагу и, встряхнув вечное перо, склонился над белым прямоугольником.

В зарослях морских лилий и губок, мимо которых полным ходом двигался батистат, тускло поблескивали хитиновые щитки притаившихся животных, порой оттуда высывалась длинная суставчатая лапа или, вытянувшись на длинном стебельке, следил за батистатом один только глаз неведомого чудовища. На дне, кроме трилобитов, поспешно свертывающихся при приближении батистата, часто попадались родственные губкам археоциаты, с бокалообразными телами; похожими на корни волокнами прикреплялись они к камням.

Глаза трех друзей, против их воли, то и дело обращались к циферблату, показывающему, как таял запас воздуха в гондоле. Его оставалось только на два с половиной часа...

Конца подводной пещеры не было видно. Своды ее терялись вверх, недостижимые для лучей прожектора. Позади батистата на песке вырастали бесконечные полосы, составляемые гусеницами.

Как велика эта пещера? Только ли по дну Байкала тянется она или, быть может, простирается и под его бере-

гами? В каком направлении мчался по ней батистат: с юга на север или с востока на запад?

Карин передал Алан конверт.

— Я записал все, что было с нами... Если нам не удастся спастись...

Остановив на минуту машину. Алан молча взяла пакет и вложила его в металлический герметически закрывающийся цилиндр.

Батистат продолжал свой путь. Прошел час. Через полтора часа запас воздуха иссякнет.

Алан не сводила глаз с раскрывающегося перед батистатом ландшафта. Где они находятся сейчас? Может быть, эта пещера — тот легендарный туннель, который соединяет Байкал, по мнению одних, с Японским морем, а по мнению других — даже с Восточно-Сибирским морем. А может быть, гранитные скалы, вздымающиеся справа, служат основанием острова Ольхон или одного из Ушканьих островов?

В семнадцать часов семь минут Алан сказала:

— Своды пещеры начинают понижаться.

Неужели стены этого каменного колодца сейчас сомкнутся перед батистатом? Обводя лучами прожектора все ниже нависающие скалы, Алан тщетно искала выхода...

В семнадцать часов десять минут тихо прозвучал ее голос:

— Впереди тупик...

Перед батистатом возвышался обрывистый утес, гранитный выступ древнего первичного хребта. Выхода не было.

Замедлив ход, Алан направила батистат влево, вдоль утеса. Левая стена гранитного коридора пока позволяла сделать это. Но и она все ближе придвигалась к батистату.

Воздуха оставалось на один час десять минут.

Карин теребил клапан грудного кармана своей гимнастерки.

В семнадцать часов двадцать минут, когда остался час жизни, раздался возглас Алан:

— В стене туннель! Он идет вверх!

Карин к Джек, словно не доверяя зеркалам, кинулись к командирскому иллюминатору.

Действительно, в скале имелось углубление. Дно в этом подводном туннеле поднималось вверх довольно круто, но все же угол подъема был доступен для батистата.

Может быть, это была просто ниша в одном из утесов пещеры? Во всяком случае, явился хоть один шанс на спасение.

Батистат начал отбираться по крутому склону туннеля. Гондола сильно накренилась. За иллюминаторами виднелась густая чаща гигантских бокаловидных губок и морских лилий, достигавших здесь почти двухметровой высоты.

Неожиданно гондола загудела. Казалось, что-то упало на батистат. Все насторожились. Среди напряженной тишины раздались тихие удары. Кто-то постукивал по крышке люка.

— Это люди! — Джек был вне себя от радости. — Азбука Морзе!

Удары — то частые, то отрывистые, звонко отдавались в гондоле. Джек пытался расшифровать их:

— Это — отрывок слова... айтесь... вечер... непонятно... опять непонятно...

Алан укоризненно посмотрела на него.

— Вы — скептики! — Джек чуть не плясал от радости. — Это люди! Вы слышите? Вы слышите? — мужайтесь... вечером...

— Опомнитесь, Джек! Какие люди могут быть на глубине в две тысячи метров? — возразила Алан.

Джеку не удалось кончить расшифровку. Постукивание прекратилось. Что-то заскребло по потолку батистата.

Мертвенно-зеленый глаз на стебельке заглянул в иллюминатор.

— Опять ракоскорпион... Эйриптериус, — обескураженно прошептал Джек.

— Он ведь ничего не сможет нам сделать? — спросил Карин.

— Будем надеяться, — сказала Алан.

Царапанье на вершине гондолы усилилось. Батистат, все больше кренясь на скате, продолжал ползти вверх. Что, если скат станет круче?

Алан побледнела. Она откинулась от иллюминатора, боясь глядеть вперед. В зеркалах отразилось кошмарное зрелище.

Туннель здесь расширялся. Заросли морских лилий и губок стали реже. Все пространство перед батистатом кишело ракоскорпионами.

Членистоногие хищники, когда-то господствовавшие в силурийских морях, заполняли небольшую впадину. Одни ползали по дну, другие вскарабкивались на уступы скал, третьи, быстро помахивая лопатовидными ножками, плыли в воде. Большинство чудовищ было выше двух метров ростом. Их продолговатые туловища, покрытые темно-коричневыми панцирями, состоящими из нескольких сегментов, соединенных друг с другом, мелькали перед иллюминаторами. То и дело перед окном появлялись глаза — то почковидные, косо сидящие на головогрудном щите, то на длинных стебельках. Шевелились усаженные шипами громадные суставчатые ноги. Длинные, острые хвосты, как мечи, рассекали воду. Привлеченные лучом прожектора, эйриптериусы подплывали и подплывали к батистату, постукивая по стальному шару гигантскими клешнями.

Карин и Джек поняли, что испугало Алан. Гигантские хищники, видимо, обладали значительной силой. Здесь, на крутом откосе, они легко могли свалить батистат... Если бы это случилось, — батистат не смог бы подняться на гусеницы, и тогда...

Прожектор потух. Гондола гудела от ударов эйриптериусов.

— Во что бы то ни стало надо пробиться... Джек, приготовьте «руку» батистата.

Стальной стержень сбоку батистата мог оказаться неплохим оружием в предстоящей схватке.

Джек нажал рычаг. Видимо, «рука» кого-то задела, потому что сразу же на гондолу посыпались еще более ожесточенные удары. Гул не позволял путешественникам слы-

шать друг друга. Покачивания гондолы становились все более и более опасными. Подъем становился все круче. Алан то включала, то выключала прожектор, боясь потерять направление. Порой казалось, что эйриптериусы отступили. Но затем их нападение усиливалось.

Вдруг гондолу резко подбросило вверх. Батистат наехал на одного из ракоскорпионов. В тот же момент под мощными ударами гондола качнулась налево.

— Мы опрокидываемся! — вскрикнул Джек.

Но батистат выровнялся и рывком прибавил ходу. Подъем стал более пологим. Гул и покачивания прекратились. Ракоскорпионы отстали. Алан больше не выключала прожектора. Сердца трех друзей напряженно бились. Что еще ждет впереди?

В восемнадцать часов Алан сказала спокойно и, как будто, даже равнодушно:

— Конец туннеля. Мы в Байкале.

В Байкале! На глубине 1.650 метров. А воздуха в гондоле — на двадцать минут...

Алан повернулась к спутникам:

— Есть единственный выход, — торопливо заговорила она. — Я не хотела им воспользоваться раньше — он практически не испытан, и потом я надеялась, что нам удастся добраться до берега. А в пещере его уже нельзя было применить... Мы можем отделить гондолу батистата от ходовой части. Тогда она будет вытолкнута водой на поверхность озера. Но это связано с большим риском. Ведь аккумуляторы, дающие нам электроэнергию, расположены в ходовой части; когда мы освободимся от нее, остановится работа воздухоочистительной установки, приводимой в действие электричеством... Мы не сможем использовать полностью даже тот запас воздуха, который останется в гондоле. Для подъема воздуха нам хватит, а сколько времени мы будем плавать на поверхности, пока нас подберут и откроют люк... Но если даже мы не выживем, гондолу все же найдут, и наши записки расскажут обо всем...

Она вопросительно взглянула на своих друзей. Они молча пожали ей руку. Потом каждый сел на свое место. Алан

повернула рычаг. Послышался скрежет. Гондола качнулась. Потух свет. Путешественники почувствовали на секунду, как невидимая сила прижала их к полу.

— Пока все идет хорошо... — начал было Джек.

Гондола завертелась. Взлетающие в стальном шаре вверх — к солнцу, к воздуху — люди потеряли сознание...

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ПРИИСКЕ

На плавучем золотом прииске имени Блюхера кончился рабочий день. Остановилась промывочная машина, не слышно лязга землечерпалки, достаемой со дна, с восьмиметровой глубины, золотоносный песок.

Огромный плот-прииск был укреплен донными якорями, к которым шли ржавые звенья цепей.

На берегу, недалеко от плота, располагались домики поселка. Глухая тайга стеной поднималась сразу же за ними.

Веселые голоса и смех доносились сюда с берега.

— Ныряй, Кеша!

Иннокентий Черных, молодой промывщик золота, ловко разрезая воду, удалялся от плота.

— Да поглубже.

— Ныряю! На сорок секунд... время засеки!

Техник Олин вытащил часы и, когда голова Иннокентия скрылась под водой, стал громко отсчитывать секунды.

— Раз и... два... и... три...

— Вон там вынырнет, — уверенно ткнул один из наблюдающих в невидимую точку вправо от плота...

— Дальше, дальше, что ты!

— И... десять, одиннадцать...

Иннокентий, получивший второе место на состязаниях «Динамо», когда служил в погранчастях, был гордостью молодежи прииска. Сейчас он усиленно тренировался для участия в проплыве Сочи-Туапсе, где должен был представлять сибирских физкультурников.

- Тридцать... тридцать один...
- А вдруг судорога...
- Сам ты судорога... Тридцать три... тридцать четыре...

Точно на сороковой секунде Иннокентий вынырнул метрах в тридцати от плота. Но вместо крика приветствия у присутствующих вырвался крик изумления. В полукилометре от того места, где маячила голова Иннокентия, неожиданно взметнулся столб воды, сверкнул на солнце металлический шар и, описав крутую параболу, плюхнулся в воду...

Вынырнувший Кеша, видимо, также заметил необычайное явление. Не оглядываясь, высоко взмахивая руками, полным ходом плыл он к берегу...

Золотоискатели с галденьем теснились у перил плота, глядя туда, где на легких волнах покачивался огромный блестящий шар. Сторож прииска Никифор Никодимович выскочил на шум из будки, держа берданку наизготовку. А минуты через две Иннокентий, Олин и еще трое золотоискателей уже мчались на моторной лодке к загадочному предмету. Никифор Никодимович с берданкой наперевес стоял на носу.

— Гляди в оба! — кричал звонкий голос с берега.

Когда лодка подошла к шару, Иннокентий мигом вскарабкался на него и закрепил на гребне конец буксирного каната. Стальной шар подтащили и пришвартовали к краю плота.

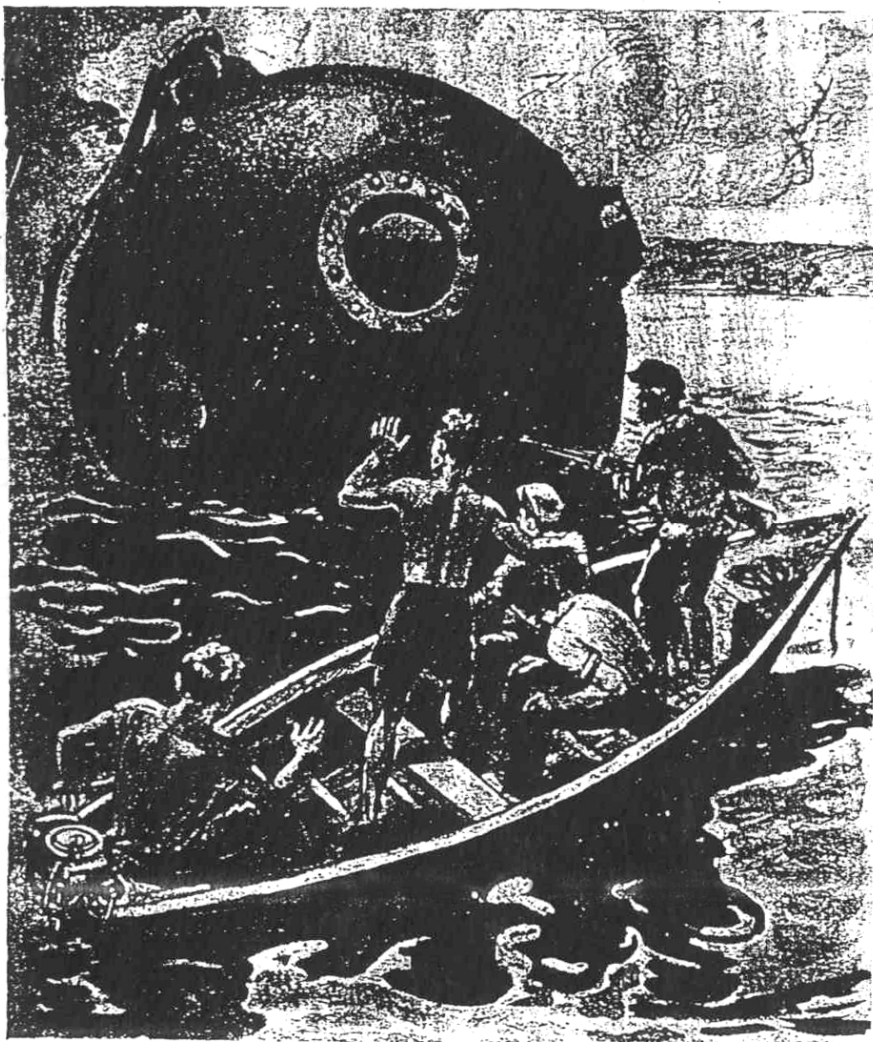
Из футляра на крышке люка Олин достал гаечный ключ и вместе с Иннокентием стал один за другим освобождать болты.

Трое золотоискателей бережно приняли на руки отвинченную крышку. Олин наклонился над отверстием люка.

— Есть кто?

Не получив ответа, техник осторожно полез в люк. За ним последовал Иннокентий. Затем в отверстии люка показалась безжизненно мотавшаяся голова Джека. Золотоискатели осторожно приняли на руки тело. Вслед за ним вынесли тела Алан и Карина.

Золотоискатели столпились кругом. Некоторые обнажили головы...

Моторная лодка приблизилась к загадочному шару...

Первым пришел в себя Карин. Он увидел склонившееся над ним лицо Иннокентия и спросил:

— Коммунисты или комсомольцы есть?

— Я сочувствующий, — ответил Иннокентий. — А вы кто такие будете?

Карин дал ему знак нагнуться ниже и быстро зашептал что-то на ухо. Иннокентий удивленно и недоверчиво качал головой, потом, видимо, что-то повторяя, зашевелил губами, повернулся и побежал на берег.

Когда троих очнувшихся путешественников перенесли на берег, из рупора громкоговорителя, укрепленного на стволе высокой лиственницы, грянуло:

— Внимание, внимание! Слушайте сообщение. Сегодня в девять часов у опустившегося под воду, в районе Голоустного, аппарата для глубоководных исследований — батистата — оборвался трос. Батистат потерял связь с поверхностью. В батистате находятся трое исследователей.

Правительственная комиссия по спасению батистата предлагает населению принять участие в поисках. Всем рыбацким лодкам, катерам, ботам, судам предлагается в районе своего местонахождения начать соответствующие наблюдения; батистат имеет возможность всплыть на поверхность. Он представляет из себя...

Иннокентий тем временем добежал до радиостанции — небольшого деревянного домика, приютившегося у ствола огромного кедра. Радист, приятель Иннокентия, сразу же отправил радиogramму в Иркутск. Не прошло получаса, как Черных принес Карину ответ из Иркутска:

«Не беспокойтесь. Утром ждите самолет».

Джек взволновался.

— Что-то не то! Не может быть такого ответа: «не беспокойтесь»... Вы, Карин, не так радиogramму составили. Или при передаче перепутали.

Однако на вторичную радиogramму последовал такой же успокаивающий ответ.

Друзьям оставалось только ждать наступления утра.

На рассвете, освеженные сном, они быстро собрались в путь. Батистат оставался под наблюдением охраны прииска. Алан взяла с собой только путевой журнал.

Вышли около восьми. Солнце встало; воздух был свеж и прохладен. Семь километров до посадочной площадки пройти было легко, а после вынужденного подводного путешествия, — даже приятно.

Иннокентий Черных и седой золотоискатель, оказавшийся отцом Иннокентия (тоже Иннокентий), вызвались проводить подводных путешественников.

Джек убежал вперед, он хотел нарвать цветов для Алан.

Прошли, примерно, уже полпути, когда старик Иннокентий, который шел в нескольких шагах впереди Карина и Алан, остановился и настороженно поднял руку.

Тишина нарушалась лишь пощелкиванием неутомных белок-бурундуков, да веселыми голосами кедровок...

Но вот где-то близко хрустнула ветка. Ружье бесшумно соскользнуло с плеча Иннокентия. Он сделал несколько шагов вправо.

— Стой!

Из кустов загремел выстрел, мелькнули силуэты двух убегающих людей. Иннокентий бросился за ними.

— Стой!

Карин с трудом поспевал за Алан. Слежавшийся валежник и бурелом затрудняли движение.

Треск ломающихся веток, испуганное шелканье бурундуков, тяжелое дыхание людей, перелезающих через преграждавшие путь поваленные деревья, — все это слилось в тревожный, нестройный шум погони.

— Сюда!.. Сюда!.. — раздался вдруг надрывный крик Джека. — Старика поймал! Он кусает мне руки... Карин!

Иннокентий первым подбежал к Джеку. Юноша сидел верхом на старике, с трудом переводя дыхание, но глаза его горели задором молодости... Неподалеку по траве рассыпался букет цветов... Пойманный уже не сопротивлялся.

— Кто вы?

Незнакомец поднялся и, низко опустив голову, отер пот со лба...

— Сюда!.. Сюда!.. — закричал Джек.

— Кто вы? Где ваше оружие? — повторил Карин.

— Раз я не стреляю, значит, я потерял его, — ответил старик.

Резким движением руки Иннокентий сорвал с него фальшивую бороду.

— Сази Худзума! — прошептала Алан.

— Диверсант из подводной пещеры! — воскликнул, не выдержав, Джек...

ЭПИЛОГ

Дам-Дин встречал самолет. Он подбежал к машине, еще катящейся по траве, размахивая зажатой в руке трубкой. Взволнованный и радостный, он помог Алан выйти из кабины.

— Здравствуйте, подводные люди!

— Вы лучше Джеку помогите сойти...

Взгляд Дам-Дина остановился на забинтованных руках Джека.

— Кто тебя ранил?

— Позднее вы узнаете все, — сказал Карин. — А сейчас... Товарищи! — обратился он к дежурному стрелку, — примите арестованного. Предупреждаю вас, что он прекрасно бежит и... кусается до костей...

Рассказ Дам-Дина был краток:

— Волосов, ваш художник, ударил меня чем-то по виску. Очнулся я в воде, — плот разворочен, щепки плавают, а ваш художник...

— Он не наш! — перебил Джек.

— ...он уже на берегу. По утесу лезет, словно ящерица. Я тоже к берегу. Уж больно мне хотелось такого странного художника поймать. Еле доплыл до скалы, голова кружилась. Его, художника-то вашего, уже и след простыл... Прибежал я в поселок, — всех на ноги; говорю, люди на дно

озера оборвались! Трое! А мне не верят, не может этого быть, говорят. Ну, а потом поверили... Сегодня утром самолеты прилетели с водолазами из Владивостока, а вы вот сами выбрались...

— Волосову удалось скрыться? — спросил Карин.

— Зачем? У меня вчера с вашим художником очная ставка была...

— Дам-Дин, вы это нарочно?

— Что?

— Все повторяете — ваш художник, ваш художник... — раздраженно сказал Джек...

Переполненный народом зал. Громадное полотнище карты. Светло-голубой полумесяц озера изогнулся на ней. Вспыхивают юпитера кинохроники, и кажется, что солнечный июльский полдень залил трибуну. Рука Алан скользит по карте:

— Батистат упал на дно в двенадцати километрах от Голоустного. Двигаясь на восток, мы прошли тридцать километров. В этом месте под водой, в гранитах и кристаллических сланцах, лежат мощные пласты магнитного железняка. Рядом с ними — коренного типа месторождения алмазов и залежи золота — самородные и жильные... Когда перестал действовать компас, нам казалось, что мы блуждаем по дну озера. На самом же деле мы шли почти по прямой на северо-восток. Здесь, недалеко от Бугульдейки, в отрогах подводного хребта — вход в глубоководную пещеру. Эта узкая расщелина тянется по дну котловины Байкала на девяносто с лишним километров, оканчиваясь напротив Узура туннелем, в котором мы столкнулись с эйриптериусами...

— Войдите!

Джек и Карин входят в небольшой номер гостиницы. После гондолы батистата он кажется громадной залой. Алан

сидит в кресле. Режиссер и его ассистент садятся на диван напротив хозяйки, закуривают...

— Я узнала следующее, — говорит Алан. — Когда бот киноэкспедиции «Соболь» пригнало к Горячинской, то при его осмотре, в шкафике Волосова, в известном вам этюднике, нашли несколько динамитных патронов и пробирок с сильнодействующими ядами, а в альбоме Волосова были обнаружены зашифрованные зарисовки. Через два часа после того, как наш батистат ушел за «зверем», — на маяк Харауз уже приехал катер за Волосовым. А о подводном ущелье, оказывается, было известно раньше, чем мы его обнаружили. Когда Сазы Худзума удалось перейти границу (а это стало известно в тот же день), он сразу словно сквозь землю провалился... Стали искать в тайге и в горах... Связали его исчезновение со странными, очень слабыми подземными толчками, которые были зарегистрированы в районе к югу от Голоустного... Наконец, место подземных работ диверсантов установили точно... Мы только помогли найти вход в их подводное убежище. А на вашу долю, Джек, кроме того, выпала честь быть виновником поимки Сазы Худзума...

Джек не мог сдержать довольной улыбки и... уронил из рта горящую папиросу на ковер...

— Товарищ Карин, поднимите, пожалуйста...

Забинтованные руки Джека неподвижно лежали на его коленях...

Алан ласково взглянула на своего молодого друга, затем, взяв с туалета гребенку, причесала его взъерошенные волосы.

Все было так же, как неделю назад. Внизу у пристани тихо покачивался бот, готовый к отплытию. Над спокойной поверхностью озера скользили серые силуэты чаек.

Алан нарушила минутную паузу.

— До свиданья, товарищи!

Она ехала на Лиственичную, где ее ожидала уже доставленная туда гондола батистата.

Алан будет вести подготовку к новой глубоководной экспедиции. Карин и Джек сегодня должны были отправиться по Кругобайкальской дороге в Мысовск, откуда на «Соболе» намеревались продолжать прерванное путешествие. Надо было работать усиленно, чтобы наверстать потерянное время. Правда, оно не ушло даром: многое надо будет снова продумать, многое изменить в сценарии...

— Когда же мы увидимся, Алан?

— Заезжайте ко мне в гости на обратном пути обязательно!

— Спасибо вам, Алан!

— За что? За прекрасное утро? — Алан смотрела на Джека с лукавой улыбкой...

— За Байкал спасибо, за Байкал!

— Да отпустите ли вы, наконец, нашего профессора или нет? — раздался голос Дам-Дина.

«Дам-Дни прав, — подумал Карин, — Алан это — наш профессор»

Бот отошел.

Байкал лежал спокойный и неподвижный. Высоко в небе летела стальная птица. Светло-серые крылья гидроплана вдруг вспыхнули алым отблеском.

Над Байкалом всходило солнце.

Об авторе

Сергей Борисович Глаголин (Гусев-Глаголин, 1902/3-1942) принадлежал к неординарной семье. Его дед, С. С. Гусев (1854-1922), потомственный дворянин, был журналистом и писателем-сатириком, отец, Б. С. Гусев-Глаголин (1879-1948) – известным актером-новатором, драматургом, теоретиком театра и одним из пионеров кинематографии в России. После революции Б. С. Гусев-Глаголин, бывший премьер и режиссер Суворинского театра, ставил авангардные спектакли в московском Театре Революции, в 1927 г. уехал на театральную выставку в Германию и стал «невозвращенцем», продолжив путь в США. Жена С. Глаголина – врач, хирург Аида Бадмаева, дочь известного и приближенного к царствующей фамилии врача тибетской медицины П. А. Бадмаева.

До революции С. Глаголин закончил шесть классов кадетского корпуса. После недолгой службы в Красной армии работал грузчиком, снимался в первых советских фильмах, учился в Ленинградском институте экранных искусств. С 1925 г. работал на Ленинградской киностудии как актер, режиссер и сценарист, после «чистки» был уволен и восстановлен лишь как ассистент режиссера.

В 1936 г. С. Глаголин, любивший путешествовать, с двумя братьями и другом отправился в туристическую экспедицию на Байкал (по материалам которой написал повесть «Загадка Байкала» и ряд путевых очерков). В связи с экспедицией, для которой понадобилось разрешение на проезд по некоторым пограничным районам, попал в поле зрения НКВД. В самом конце июня 1941 г. С. Глаголин был арестован, в 1942 г. умер в заключении. Интересные подробности о жизни семьи содержатся в воспоминаниях его сын Б. Гусева «Уготованная судьба» («Новый мир», № 3, 1994).

—

Повесть «Загадка Байкала» была впервые напечатана в журнале «Вокруг света» (№ 9-11, 1937). Публикуется по этому изданию с исправлением некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.